

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Жюль Верн

— ТАЙНЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ —

Открытие земли. Мореплаватели XVIII в.
Путешественники XIX в.

Тайны мировой истории

Жюль Верн

**Всеобщая история
географических открытий**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

1880

УДК 910.4(091)

ББК 26.8г

Верн Ж. Г.

Всеобщая история географических открытий / Ж. Г. Верн —
«ФТМ», «Издательство АСТ», 1880 — (Тайны мировой истории)

ISBN 978-5-17-117007-3

Свой знаменитый труд «Всеобщая история географических открытий» известный французский писатель Жюль Верн (1828–1905) писал более десяти лет. Книга получила мировое признание, она переведена на многие языки и пользуется заслуженной славой одного из лучших изданий по истории освоения человечеством планеты Земля. В данном издании мы объединили все три книги: «Открытие Земли», «Мореплаватели XVIII века» и «Путешественники XIX века». Здесь в увлекательной манере Жюль Верн описывает наиболее значительные путешествия и открытия, изменившие представление людей о географии мира. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 910.4(091)

ББК 26.8г

ISBN 978-5-17-117007-3

© Верн Ж. Г., 1880

© ФТМ, 1880

© Издательство АСТ, 1880

Содержание

Предисловие	6
Книга первая	8
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	27
Глава шестая	29
Глава седьмая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Жюль Верн

Всеобщая история географических открытий

© Е.А. Лопырева, наследники, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Французский писатель Жюль Верн (1828–1905) известен прежде всего как автор популярных приключенческих и фантастических историй. Но он был и выдающимся популяризатором науки, умевшим мастерски обобщить в увлекательной форме географические, геологические, физические и астрономические знания современной ему науки. Всю жизнь он вел своеобразную картотеку – заметки об интересующих его открытиях и научных находках. Уникальная в своем роде картотека составляла более 20 тысяч тетрадей, где можно было найти сведения из всех областей человеческого знания. Таким образом, каждый роман был не просто работой воображения, но и тщательным изучением научной стороны вопроса.

В то же время Жюль Верн не был кабинетным писателем и ученым: на своей яхте он плавал к берегам Англии, Шотландии, Скандинавии, Германии, Дании и Нидерландов, путешествовал по Средиземноморью, посетил Португалию, Италию, Мальту и Алжир. На пароходе пересек Атлантический океан и побывал в Соединенных Штатах Америки. В его планы входило и посещение Российской империи, но шторм помешал ему добраться до Санкт-Петербурга. Все эти поездки со временем стали частью сюжетов его книг.

В 1860–1870-е годы французский писатель создает, как он сам определяет, «историю великих путешествий и великих путешественников», представляющую собой очерк истории открытия Земли. Трехтомный труд «История великих путешествий» стал одной из первых книг такого рода в мировой литературе. Работе над этим произведением писатель отдал 16 лет жизни. «Цель книги, – писал Жюль Верн, – представить в истинном свете значение всех путешественников, начиная от Ганнона и Геродота и кончая Ливингстоном и Стэнли».

Книга получила мировое признание, она переведена на многие языки и стоит в ряду лучших произведений по истории освоения человечеством планеты Земля.

В своей работе Жюль Верн использовал широкий круг источников: материалы архивов, отчеты и судовые журналы, дневники и мемуары путешественников. Огромную помощь оказал писателю сотрудник Парижской Национальной библиотеки Габриэль Марсель, который подбирал и переводил старинные тексты с испанского, португальского и итальянского языков.

К сожалению, в работе Жюль Верна недостаточно освещены события из истории русских географических открытий. Объясняется это тем, что писателю были недоступны источники, опубликованные на русском языке или еще не изданные ко времени создания «Истории».

Книга первая «Открытие Земли» охватывает период с VI в. до конца XVII в. и повествует о путешественниках Древней Греции и Рима, Средневековья и эпохи великих географических открытий.

Книга вторая «Мореплаватели XVIII века» посвящена описанию наиболее ярких и значительных морских путешествий и географических открытий XVIII в. – Бугенвиля, Кука, Лаперуза, Беренга, Чирикова, Гумбольдта и др.

В третью книгу – «Путешественники XIX века» – вошло описание путешествий Крузенштерна, Коцебу, Литке, д'Юрвиля, Беллинсгаузена, Врангеля и других выдающихся исследователей-первооткрывателей.

Первое издание книги «Открытие Земли» было переведено на русский язык в 1872 году. В дальнейшем первая и вторая книги Жюль Верна издавались на русском языке неоднократно.

В 1958–1961 годах был сделан новый перевод двух первых книг и третьей, не переводившейся ранее. К работе над изданием был привлечен коллектив переводчиков во главе с Е. Брандисом. Творческая группа провела большую дополнительную работу, был несколько упрощен авторский язык, сверены географические и исторические факты. Там, где имелись русские переводы дневников и отчетов путешественников, во французский текст были добавлены соответствующие фрагменты отечественных публикаций. В итоге получилась сравнительно оригиналь-

нальная научно-популярная работа. Это иллюстрированное издание без изменений публиковалось и публикуется разными издательствами по сей день.

Настоящее издание представляет собой текст «канонического» перевода в сокращенном виде.

Книга первая

Открытие земли

Часть первая

Глава первая

Знаменитые путешественники древних времен

Ганнон (505). – Геродот (484). – Пифей (340). – Евдокс (146). – Страбон (63).

Ганнон Карфагенский. – Острова Счастливые (Канарские), Вечерний Рог, Южный Рог, залив Рио-де-Оро. – Геродот посещает Египет, Ливию, Эфиопию, Финикию, Аравию, Вавилонию, Персию, Мидию, Колхиду, Каспийское море, Скифию и Фракию. – Пифей обследует берега Иберии и Кельтики, Ла-Мани, остров Альбион, Оркадские (Оркнейские) острова, землю Туле. – Неарх объезжает азиатское побережье от Инда до Персидского залива. – Евдокс знакомится с западным берегом Африки – Страбон путешествует по внутренней Азии, Египту, Греции и Италии.

Первым путешественником, о котором сохранились упоминания в исторических источниках, был Ганнон, посланный Карфагенским сенатом для колонизации новых территорий на западном берегу Африки. Сообщение об этой экспедиции было написано на пуническом языке и переведено на греческий; оно известно под названием «Морское кругосветное путешествие Ганнона». В какую эпоху жил этот исследователь? Историки придерживаются разных мнений. Но наиболее достоверной считается версия, согласно которой посещение им африканских берегов относится к 505 году до нашей эры.

Ганнон покинул Карфаген во главе флота, состоявшего из шестидесяти галер с пятьюдесятью гребцами на каждой; на судах находилось тридцать тысяч человек и припасы для длительного путешествия. Переселенцы – их вполне можно так назвать – должны были поселиться в новых городах. Карфагеняне собирались основать новые поселения на западном побережье Ливии, иначе говоря, Африки.

Флот благополучно миновал Геркулесовы столпы – скалы Гибралтара и Сеуты, возвышающиеся над проливом, и отважился пуститься к югу в Атлантический океан. Продолжив плавание, он обогнул потом мыс Солосит, вступил в торговые отношения с местными жителями и направился дальше, к устью большой африканской реки, на берегах которой обитало племя пастухов-кочевников. Заключив с ними дружеский союз, карфагенский мореплаватель продолжал продвигаться к югу вдоль пустынных берегов Сахары; затем он достиг острова Керны, находящегося, судя по описанию, на таком же расстоянии от Геркулесовых столпов, как Геркулесовы столпы от Карфагена. Какой это был остров? Без сомнения, один из островов, относящихся к группе Счастливых (теперь Канарских).

Путешествие продолжалось, и вскоре Ганнон прибыл к устью реки Хреты, образующему широкую бухту. Когда карфагеняне поплыли вверх по реке, местные жители – негры – встретили их градом камней.

Закончив разведку, флот вернулся к устью реки и после двенадцатидневного плавания к югу достиг гористой местности, изобилующей благовонными деревьями и бальзамическими растениями. Затем флот остановился в обширном заливе с ровными низменными берегами. Эта земля, такая спокойная днем, ночью озарялась столбами пламени, происходившими либо от огней, зажженных туземцами, либо от самовозгорания высохшей травы.

Спустя еще пять дней Ганнон и его спутники обогнули мыс и вошли в залив, который они назвали «Вечерний Рог». Там, рассказывает путешественник, он слышал звуки флейт, грохот кимвалов, тамбуринов и гул бесчисленных голосов. Оракулы, сопровождавшие карфагенскую экспедицию, посоветовали бежать от этой ужасной земли. Их послушались, и флот продолжал плавание в более низкие широты.

Затем Ганнон достиг залива, получившего название «Южный Рог». Географы считают, что этот залив, по-видимому, являлся устьем реки Рио-де-Оро, которая впадает в Атлантический океан возле тропика Рака.

В глубине этого залива виднелся остров, изобиловавший гориллами, которых карфагеняне приняли за волосатых дикарей. Им удалось захватить трех «женщин», но вскоре они вынуждены были их убить, так как ярость этих обезьян была неукротима.

Южный Рог был, без сомнения, конечной точкой, достигнутой пунической экспедицией. Достигнув Южного Рога, Ганнон начал испытывать недостаток в съестных припасах. Тогда он повернул на север и возвратился в Карфаген, где по его распоряжению в храме Ваала Молоха была поставлена мраморная плита с высеченным на ней описанием путешествия «вокруг света».

После карфагенского мореплавателя самым знаменитым из древних путешественников во времена исторические был греческий ученый Геродот, прозванный «отцом истории». Для нашей цели мы отделим путешественника от историка и последуем за ним в страны, в которых он побывал.

Геродот родился около 484 года до нашей эры в малоазиатском городе Галикарнасе. Он происходил из богатой и знатной семьи с обширными торговыми связями, которые могли способствовать развитию инстинктов путешественника-исследователя, пробудившихся в мальчике.

В ту эпоху не существовало единого мнения относительно формы земли. Школа Пифагора начала уже распространять учение о том, что земля шарообразна. Но Геродот не принимал никакого участия в этих спорах, волновавших ученых его времени. В ранней молодости он покинул родину с намерением тщательно изучить далекие страны, о которых доходили весьма скудные и противоречивые сведения.

В 464 году, двадцатилетним юношей, он оставил Галикарнас. По-видимому, Геродот сначала направился в Египет, где посетил города Мемфис, Гелиополис и Фивы. Во время путешествия ему удалось получить много ценных сведений о разливах Нила. В своих записках он приводит различные мнения относительно истоков этой великой реки, которую египтяне почитали как божество.

«Когда Нил разливается, – говорит Геродот, – не видно ничего, кроме городов; они кажутся построенными поверх воды и напоминают острова Эгейского моря». Геродот сообщает также, как египтяне почитают диких и домашних животных, считая их священными, и воздают им погребальные почести. Геродот рисует домашнюю жизнь египтян, их обычаи, игры, рассказывает об искусстве бальзамирования умерших, которым египтяне владели в совершенстве. Тщательно изучив Египет, Геродот направился в другие страны Ливии, то есть Африки, но при этом молодой путешественник даже не предполагал, что Африка простирается далеко на юг за тропик Рака; он верил, что финикийцы могли огибать этот материк и возвращаться в Египет через Гибралтарский пролив.

По Геродоту, Ливия населена двумя народами: ливийцами и эфиопами. Но действительно ли он путешествовал по этой стране? Историки в этом сомневаются. Скорее всего, многие подробности он записал со слов египтян. Но нет сомнения, что он действительно плывал к городу Тиру, в Финикии, так как здесь он дает вполне точные описания. Кроме того, Геродот собрал сведения, по которым составил краткое описание Сирии и Палестины.

Вслед за тем Геродот спускается на юг – в Аравию, страну, называемую им Азиатской Эфиопией, то есть в ту часть южной Аравии, которую он считает последней обитаемой землей. Арабы, живущие на Аравийском полуострове, по его словам, народ строго религиозный. В их стране в изобилии произрастают ценные растения, из которых получают ладан и мирру. Путешественник сообщает интересные подробности о том, как из этих растений добывают благовонные вещества.

Затем мы встречаем Геродота в странах, называемых им неопределенно то Ассирией, то Вавилонией. Рассказ об этих странах он начинает тщательным описанием Вавилона, в котором жили цари со времени разрушения древней столицы Ниневии. Развалины Ниневии сохранились и поныне в виде холмиков, разбросанных по обоим берегам Евфрата, на расстоянии 78 километров к юго-востоку от Багдада. Большая, быстрая и глубокая река Евфрат разделяла тогда город Ниневию на две части. В одной возвышался укрепленный царский дворец, в другой – храм Зевса.

Изучив Вавилон, Геродот отправился в Персию и, так как целью его путешествия было собрать точные сведения о продолжительных греко-персидских войнах, он посетил те места, где происходили эти войны, чтобы получить на месте все необходимые ему подробности. Эту часть своей истории Геродот начинает с описания обычаев персов. Они, в отличие от других народов, не придавали своим богам человеческой формы, не воздвигали в их честь ни храмов, ни жертвенников, довольствуясь исполнением религиозных обрядов на вершинах гор.

Далее Геродот говорит о быте и нравах персов. Они питают отвращение к мясу, любовь к фруктам и пристрастие к вину; они проявляют интерес к чужестранным обычаям, любят удовольствия, ценят воинскую доблесть, серьезно относятся к воспитанию детей, уважают право на жизнь всякого, даже раба; они терпеть не могут лжи и долгов, презирают проклятых. Заболевание проказой служит для них доказательством, что «несчастный согрешил против Солнца».

Затем неутомимый Геродот отправился в Мидию, где составил историю мидян, первого народа, свергнувшего иго ассириян. Мидяне основали огромный город Экбатаны (Хамадан), который был окружен семью рядами стен. Перевалив через горы, отделявшие Мидию от Колхиды, греческий путешественник проник в страну, прославленную подвигами Ясона, и изучил со свойственной ему добросовестностью ее нравы и обычаи.

Геродот, по-видимому, был хорошо знаком с очертаниями Каспийского моря. Он говорит, что «это море – само по себе, и не имеет никакого сообщения с другим». Каспийское море, по его словам, ограничено на западе Кавказскими горами, а на востоке обширную равниной, населенной массагетами, которые, вероятно, принадлежали к скифскому племени. Массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Геродот говорит также о большой реке Аракс, впадающей в Каспийское море.

Потом путешественник попадает в Скифию. Скифы – по определению Геродота – различные племена, населяющие обширное пространство между Дунаем и Доном, то есть значительную часть Европейской России. Наиболее многочисленным и сильным Геродот называет племя «княжеских скифов», занимавших берега реки Танаис (Дона). Кроме того, Геродот упоминает о племенах скифов-кочевников и скифов-хлебопашцев. Хотя Геродот и перечисляет различные скифские племена, но неизвестно, посетил ли он лично страны, расположенные к северу от Понта Евксинского (Черного моря). Он подробно описывает обычаи этих племен и приходит в искренний восторг от Понта Евксинского – этого «гостеприимного моря». Геродот определяет размеры Черного моря, Босфора, Пропонтиды и Азовского моря, и его определения почти верны. Он перечисляет большие реки, впадающие в Черное море: Истр, или Дунай; Борисфен, или Днепр; Танаис, или Дон.

Из Скифии Геродот прибыл во Фракию. Там он узнал о хеттах – самом мужественном народе, населявшем эту страну. Затем он совершил путешествие по Греции, где хотел собрать недостающие сведения для своей истории.

Вернувшись 28 лет от роду на свою родину, в Галикарнас, знаменитый путешественник принял участие в народном движении против тирана Лигдамиса и содействовал его свержению. В 444 году до нашей эры Геродот присутствовал на Панафинейских празднествах и прочитал там отрывки из описания своих путешествий, вызвав всеобщий энтузиазм. Под конец своей жизни он удалился в Италию, в Туриум, где и умер в 426 году до нашей эры, оставив по себе славу знаменитого путешественника и еще более знаменитого историка.

Придерживаясь хронологического порядка, перейдем теперь к Пифею из Массилии – путешественнику, географу и астроному, одному из учнейших мужей своего времени. В 340 году до нашей эры Пифей отважился пуститься в плавание по Атлантическому океану на одном-единственном корабле. Вместо того, чтобы следовать вдоль берегов Африки к югу, как это делали обычно его карфагенские предшественники, Пифей отправился на север, где занялся исследованием берегов Иберийского полуострова и побережья страны кельтов, вплоть до гранитного мыса Финистерре. Затем Пифей вошел в пролив Ла-Манш и пристал к острову Альбиону. Он познакомился с жителями этого острова, которые, по его словам, отличались добродушием, честностью, умеренностью и изобретательностью. Они вели торговлю оловом, за которым сюда приезжали торговцы из отдаленных стран.

Продолжая путь к северу, Пифей миновал Оркнейские острова, расположенные у северной оконечности Шотландии, и поднялся на такую широту, где «летом ночь не превышала двух часов». После шестидневного плавания по Северному морю Пифей достиг земли, известной с тех пор под названием Крайнее Туле (Ultima Thule). По-видимому, это был полуостров Скандинавия. Но продвинуться дальше на север Пифей уже не смог. «Дальше, – говорит он, – не было ни моря, ни земли, ни воздуха».

Спустя несколько лет после Пифея, около 326 года до нашей эры, прославился своими исследованиями еще один греческий путешественник – Нearch с острова Крита. В качестве командующего флотом Александра Македонского он получил приказание объехать все побережье Азии от Инда до Евфрата.

Мысль о такой экспедиции была вызвана необходимостью установить сообщение между Индией и Египтом, в чем Александр был крайне заинтересован, находясь в это время со своей армией в 800 милях от берега, в верховьях Инда. Полководец снарядил для Нearchа флот, состоявший из тридцати трех двухпалубных галер и большого числа транспортных судов, на которых разместились две тысячи человек. В то время как Нearch плыл со своим флотом вниз по Инду, армия Александра шла за ним по обоим берегам. Достигнув через четыре месяца Индийского океана, Нearch поплыл вдоль берега, составляющего ныне границу Белуджистана.

Нearch пустился в море второго октября, не дождавшись зимнего попутного муссона, который мог бы благоприятствовать его плаванию. Сильные бури заставили его делать частые остановки в различных местах побережья и защищаться от нападений арабитов, которых восточные историки характеризовали как «варварский народ, носящий длинные волосы, отпускающий борода и похожий на фавнов или медведей».

Когда установился северо-восточный муссон, плавание продолжалось в благоприятных условиях. Нearch следовал вдоль берегов страны ихтиофагов, то есть «людей, питающихся рыбой» – довольно жалкого племени, которое, за недостатком пастбищ, вынуждено было кормить своих овец дарами моря. Здесь флот Нearchа начал испытывать недостаток в съестных припасах. Обогнув мыс Посми, Нearch взял к себе на галеру туземного кормчего. Подгоняемые береговыми ветрами, корабли Нearchа успешно продвигались вперед. Берег становился менее бесплодным. Там и сям попадались деревья. Нearch причалил к городу ихтиофагов, названия

которого он не указывает, и, внезапно напав на жителей, силой захватил у них припасы, в которых так нуждался его флот.

Почти у входа в Персидский залив флоту встретилось большое стадо китов. Испуганные матросы хотели повернуть галеры вспять, но Неарх смело пошел на своем корабле вперед, навстречу морским чудовищам, которых удалось разогнать.

В гавани Гармосия (Ормуз) Неарх узнал, что армия Александра находится на расстоянии пяти дней пути. Высадившись на берег, он поспешил присоединиться к завоевателю. Александр, не получая в течение двадцати одной недели никаких известий о своем флоте, уже больше не надеялся его увидеть. Можно представить себе радость полководца, когда до неузнаваемости исхудавший Неарх предстал перед ним целым и невредимым! Чтобы отпраздновать его возвращение, Александр велел устроить гимнастические игры и принести богам обильные жертвы. Затем Неарх снова отправился в Гармосию, где оставил свой флот, чтобы оттуда плыть в устье Евфрата.

После нескольких дней плавания Неарх прибыл к устью реки Эндиана, затем достиг реки, вытекающей из большого, кишасщего рыбой озера Катадербис и наконец бросил якорь близ вавилонского селения Дегела, недалеко от устья Евфрата, проплыв, таким образом, вдоль всего персидского побережья. Неарх составил описание своего путешествия, к сожалению, не сохранившееся. Подробный отчет о его плаваниях содержится в книге греческого историка Флавия Арриана «История Индии», которая дошла до нас в отрывках.

Неарх, как полагают, был убит в битве при Ипсе. Он оставил по себе славу искусного морехода, а его путешествие составляет важное событие в истории мореплавания.

Теперь следует еще упомянуть о смелом предприятии греческого географа Евдокса, жившего во II веке до нашей эры. Посетив Египет и берега Индии, этот отважный путешественник возымел намерение объехать вокруг Африки, что в действительности удалось осуществить только шестнадцать столетий спустя португальскому мореплавателю Васко да Гаме.

Евдокс нанял большой корабль и два баркаса и пустился по незнакомым водам Атлантического океана. Как далеко он довел свои суда? Это трудно определить. Как бы то ни было, познакомившись с туземцами, которых он принял за эфиопов, он возвратился в Мавританию, а оттуда переправился в Иберию и занялся приготовлениями к новому обширному путешествию вокруг Африки. Было ли совершено это путешествие? Сомнительно. Нужно сказать, что этот Евдокс, человек безусловно отважный, большого доверия не заслуживает. Во всяком случае, ученые его не принимают всерьез.

Среди древних путешественников нам остается упомянуть еще имена Цезаря и Страбона. Юлий Цезарь, родившийся в 100 году до нашей эры, был прежде всего завоевателем и не ставил своей целью исследование новых стран. Напомним только, что в 58 году до нашей эры он начал завоевывать Галлию и через 10 лет довел свои легионы до берегов Великобритании, которую населяли народы германского происхождения.

Что касается Страбона, родившегося в Каппадокии около 63 года нашей эры, то он известен скорее как географ, чем путешественник. Однако он проехал Малую Азию, Египет, Грецию, Италию и долго жил в Риме, где и умер в последние годы царствования Тиберия. Страбон оставил «Географию», разделенную на семнадцать книг, большая часть которой сохранилась до нашего времени. Это сочинение, вместе с сочинениями Птолемея, составляет наиболее важный памятник древнегреческой географии.

Глава вторая

Знаменитые путешественники от I до IX века

Павсаний (174). – Фа-Сянь (399). – Косма Индикоплов (547). – Аркульф (700). – Виллибард (725). – Сулейман (851).

Плиний, Гиппал, Арриан, Птолемей. – Павсаний посещает Аттику, Коринфию, Лаконию и другие города Эллады. – Фа-Сянь исследует Хотанское царство, Афганистан, Северную Индию, Пенджаб, Цейлон и Яву. – Косма Индикоплов и «Христианская топография вселенной». – Сулейман обозревает Оманский залив, Цейлон, Суматру, Сиамский залив и Южно-Китайское море.

В течение первых двух веков нашей эры география как наука сделала заметные успехи, но путешественников – открывателей новых земель – было в ту эпоху очень мало.

Плиний Старший (23–79 годы н. э.) посвятил географии третью, четвертую, пятую и шестую книги своей «Естественной истории».

В начале правления Тиберия (14–37 годы н. э.) римский купец Гиппал установил закономерность движения муссонов в Индийском океане и научил мореплавателей пользоваться направлением этих ветров.

Он сообщил в своем труде «Плавание вокруг Эритрейского моря», как следует плыть по открытому морю в Индию и обратно в течение одного года.

Греческий историк Арриан (около 95—175 г. н. э.) составил свое «Описание путешествия по Понту Евксинскому», в котором попытался охарактеризовать страны, открытые предшественниками исследователями.

Клавдий Птолемей, грек, живший в Египте во II веке, систематизировал труды предшественников и опубликовал знаменитую «Географию», в которой сделал попытку дать определение широты и долготы всех известных ему городов и местностей, опираясь на математические данные.

Первым путешественником нашей эры, имя которого сохранилось в истории, был греческий писатель Павсаний. Он жил в Риме во втором веке и много путешествовал по римским и греческим провинциям. Описание своих путешествий, составленное в форме подробного путеводителя, он опубликовал в десяти книгах около 180 года.

Особенно тщательно и подробно Павсаний описывает Аттику и Афины со всеми памятниками, гробницами, арками, храмами, колоннадами, ареопагом, академией и т. п. От Аттики он переходит к Коринфу и исследует острова Эгейского моря. Затем он дает тщательное описание Лаконии и Спарты, перечисляет названия всех дорог и провинций, городских улиц и площадей. Но к тому, что уже было сделано его предшественниками, Павсанию не удалось добавить ни одного нового открытия. Тем не менее труд Павсания принес немало пользы: все позднейшие географы и археологи пользовались им при своих исследованиях Эллады и Пелопонесса, и недаром один ученый XVI века назвал работу Павсания «сокровищем самой древней и самой редкостной эрудиции». Описывая географические открытия и путешествия древних народов, мы не можем обойти молчанием китайцев, хотя их географические познания и не оказали непосредственного влияния на развитие европейской географической науки.

В конце IV века один китайский монах-буддист, по имени Фа-Сянь, совершил путешествие по странам, лежащим к западу от Китая. Сохранилось подробное, им самим составленное, описание путешествия, которое, по мнению Эдуарда Шартона, «представляет тем больший интерес, что заставляет нас отказаться от нашей односторонней точки зрения на цивилизацию Востока».

Фа-Сянь в сопровождении нескольких монахов, задумав исследовать страны, лежащие на запад от Китая, перебрался через несколько горных хребтов и прибыл в страну, называемую теперь «Кан-чу», расположенную недалеко от Великой китайской стены. Спустя тридцать пять дней маленький караван прибыл в Татарию – в Хотанское царство, в котором насчитывалось «несколько десятков тысяч монахов». Фа-Сянь и его спутники были допущены в монастыри, и после трехмесячного ожидания им посчастливилось присутствовать при торжественном празднестве буддистов и браминов, во время которого по городам Хотанского царства,

по усыпанным цветами улицам, среди облаков благоуханий, провозили роскошно убранные колесницы с изображениями богов.

После праздника Фа-Сянь и его спутники направились на юг и прибыли в холодную гористую страну Балистан, в которой, кроме хлебных злаков, не было почти никаких культурных растений. Из Балистана Фа-Сянь взял путь в восточный Афганистан и целый месяц блуждал в горах, покрытых вечными снегами. Здесь, по его словам, встречались «ядовитые драконы». Переправившись через горы, путешественники взяли путь в Северную Индию. После многих затруднений каравану удалось добраться до города Бану, который существует и поныне; затем, снова перейдя Инд в средней части его течения, Фа-Сянь пришел в Пенджаб. Отсюда, спускаясь к юго-востоку, он пересек северную часть Индийского полуострова и, перебравшись через большую солончаковую пустыню, лежащую на восток от Инда, достиг страны, которую он называет «Центральным царством».

В Индии Фа-Сянь посетил много городов и местностей, где собирал легенды и сказания о Будде. Из Индии он переправился на остров Цейлон, затем на остров Яву, после чего отплыл в Китай.

Борясь с противными ветрами и испытав множество затруднений, он прибыл, наконец, в провинцию Шаньдун и затем возвратился в 415 году, после восемнадцатилетнего отсутствия, в свой родной город Сиань-фу (Кантон).

К первым векам нашей эры относится также начало миссионерской деятельности христианских проповедников в далеких странах. Вслед за монахами на Ближний Восток, в Нубию, Эфиопию – до самого центра внутренней Африки – проникали христианские купцы и посольства византийских царей, пытавшиеся установить связь с народами, приобщенными к христианской религии.

Одним из таких путешественников был александрийский купец Косма (от греческого «космос» – «мир, вселенная») по прозвищу Индиоплов (или Индиоплейст – «Плаватель в Индию»), живший в VI веке. Он побывал в Эфиопии, Индии и Западной Азии, после чего вернулся на родину и постригся в монахи.

Широкое распространение получило сочинение Космы «Христианская топография вселенной» (около 547 года), помогающее уяснить особенности географического мировоззрения средних веков. Превыше всего Косма ставит авторитет библии, везде стараясь согласовать данные физического землеведения с буквой священного писания.

Косма не сообщает никаких подробностей о своем путешествии. Стремясь опровергнуть теории о Земле, противоречащие священному писанию, он силится доказать, что наша Земля имеет четырехугольную форму и заключена вместе с другими светилами в большой продолговатый ящик. По его мнению, плоская четырехугольная суша, как крышей, покрыта небесами, которые в свою очередь рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой. Суша окружена океаном, за которым находился некогда рай. Небесные светила передвигаются по своим сферам ангелами, назначенными для этого богом еще при сотворении мира и т. д.

С начала христианской эры европейские паломники-богомольцы совершали путешествия в Палестину и страны Ближнего Востока, оставив подробные описания своих «хождений по святым местам». История сохранила имена многих пилигримов, среди которых были особенно известны французский епископ Аркульф, живший в конце VII века, и английский паломник Виллибард. Начав паломничество в 721 году, Виллибард вернулся на родину через десять лет и за свой подвиг был посвящен папой Григорием III в сан епископа Франконии.

Описания путешествий христианских паломников служили затем своего рода путеводителями для многих поколений средневековых пилигримов.

Перечень путешественников I–IX веков мы закончим Сулейманом, арабским купцом из Басры. Он совершил путешествие из Персидского залива через Индийский океан в Китай,

посетив попутно остров Цейлон, Суматру, Никобарские и Андаманские острова. Записки Сулеймана, составленные около 851 года, позже были дополнены арабским географом Абу-Зейд Гассаном и в таком виде приобрели большую известность.

По мнению французского востоковеда Рейно, это сочинение «представило в совершенно новом свете торговые отношения, существовавшие в IX веке между берегами Египта, Аравии, прибрежными странами Персидского залива, с одной стороны, и индийскими и китайскими провинциями – с другой».

Выйдя из Персидского залива, Сулейман вскоре достиг «второго моря» – Аравийского (Оманского залива). Там он видел огромную рыбу, вероятно кашалота, которого предостережительные мореплаватели отпугивают звоном колокола. Там же была поймана акула, в желудке которой оказалась акула меньших размеров, а в последней – акула еще поменьше, «обе живые», – прибавляет путешественник, не боясь преувеличений. Далее Сулейман говорит о Геркседском море (Индийском океане), простирающемся от Мальдивских островов до Зондского архипелага, в котором он насчитывает до тысячи девятисот островов. Среди этих островов, находившихся под управлением женщины, он отмечает остров Цейлон с его жемчужной ловлей, Суматру, богатую золотыми рудниками и населенную людоедами, а также Никобарские и Андаманские острова. Выменяв у жителей Никобарских островов железо на кокосовые орехи, сахарный тростник, бананы и кокосовое вино, он переплыл затем Андаманское море, омывающее берега Малакки, и после десятидневного плавания остановился в районе современного Сингапура, чтобы запастись пресной водой. Затем он поднялся к северу по морю Кедрендж – по-видимому, речь идет о Сиамском заливе – и достиг провинции Поуло-Оби, находящейся в южной части Камбоджи.

Здесь глазам арабского купца открылось море, простирающееся между Молуккскими островами и Индо-Китаем. Сулейман отправился на остров Сандер-Фулат, запаса там съестными припасами и продолжал свой путь по морю Санджи, или Южно-Китайскому. Месяц спустя он вошел в оживленный китайский порт Сиань-фу (Кантон).

Подводя итоги трудам путешественников и исследователей последних шести веков до нашей эры и первых девяти веков нового летоисчисления, мы можем сказать, что за это время было исследовано все громадное береговое пространство от Норвегии до Китая – берега Атлантического океана, Средиземного и Красного морей, Индийского океана и Китайского моря.

Не ограничиваясь прибрежной полосой, путешественники смело проникали во внутренние области разных стран – от Египта до Эфиопии, от Малой Азии до Кавказа, от Индии и Китая до Монголии.

Хотя путешественникам и не удавалось добиться математической точности в определении географического положения различных мест, которых они достигали, но зато они довольно подробно изучали обычаи и нравы жителей, религиозные обряды, природные богатства, ремесла, искусства и торговлю многих стран.

Глава третья

Знаменитые путешественники X–XIII веков

Вениамин Тудельский. – Плано Карпини. – Рубрук.

Вениамин Тудельский посещает Марсель, Рим, Константинополь, Иерусалим, Дамаск, Баальбек, Ниневию, Багдад, Вавилон, Басру, Исфахан, Шираз, Самарканд, Тибет, Египет, Германию и Францию. – Джованни дель Плано Карпини исследует Куманскую землю и нынешний Туркестан. – Нравы и обычаи татар. – Гильом де Рубрук посещает Азовское море, Волгу, землю башкир, Каракорум, Астрахань и Дербент.

Из путешественников XII века наибольшей известностью пользуется Вениамин Тудельский, испанский еврей из города Тудела, в Наваррском королевстве. Вениамин Тудельский

посетил Марсель, Рим, Валахию, Константинополь, Палестину, Ниневию, Багдад, Вавилон, Шираз, Самарканд, Тибет, Цейлон, Красное море, Египет, Сицилию, Италию, Германию и Францию. За тринадцать лет (1160–1173) он объехал почти весь известный тогда мир. Описание этого путешествия, подробное до мелочей, пользовалось большой популярностью до XVI века.

Вениамин Тудельский отплыл из Барселоны в Марсель, а затем отправился в Геную. Из Генуи он прибыл в Рим, затем посетил Неаполь и другие южные города. Из Италии Вениамин переправился в Грецию и в Константинополь, сообщая интересные подробности об этой большой столице греческого царства.

Жители Константинополя носят шелковые одежды, украшенные дорогим шитьем и золотой бахромой. Когда встречаешь их в этих дорогих нарядах, едущими на лошадях, можно подумать, что это принцы крови.

Из памятников Константинополя Вениамин упоминает о храме святой Софии, в котором «приделов столько же, сколько дней в году, а колонн и паникадил такое множество, что их невозможно сосчитать». Кроме того, он дает описание ипподрома, в котором для забавы народа показывают борьбу «львов, медведей, тигров, а также диких гусей и многих других птиц».

Из Константинополя Вениамин переправился в Малую Азию, где посетил города Триполи, Бейрут, Тир, Сидон, Акку, Самарру и др. Отсюда он отправился в Иерусалим, Вифлеем и Хеврон. После этого Вениамин прибыл в Дамаск, бывший в то время столицей турецкого царства. «У измаилитов есть в Дамаске мечеть, называемая Гоман-Дамасек, то есть храм Дамаска. В этом храме есть стеклянная стена, имеющая триста шестьдесят пять отверстий. Солнце, спускаясь по двенадцати делениям, по числу часов в дне, входит каждый час в одно из этих отверстий, благодаря чему эти отверстия позволяют каждому узнать, который час». Покинув Дамаск, Вениамин Тудельский посетил Баальбек-Небек – Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном; затем он приехал в Тудмур или Пальмиру, потом в Газу, сильно разрушенную землетрясением. После этого Вениамин отправился в Месопотамию, посетив Мосул на Тигре, Ниневию и Багдад – столицу и резиденцию арабских калифов, поразившую путешественника своей красотой.

Вениамин совершил также поездку к развалинам Вавилона, побывав на том месте, где, по преданию, возвышалась некогда вавилонская башня, «построенная народами до потопа». «С этой башни, – говорит Вениамин, – открывалась даль на двадцать миль в окружности, но огонь, упавший на башню с неба, разрушил ее до основания и сравнял с землей».

Посетив потом еще много других городов, неутомимый путешественник попал, наконец, в город Басру, лежащий на Тигре у оконечности Персидского залива. Тудельский объехал почти всю Персию и через Хамадан прибыл в Исфахан, столицу страны, имевшую двенадцать миль в окружности.

Далее рассказ путешественника не отличается определенностью: следя за его записками, мы видим его то в Ширазе, то в Самарканде, то у подошвы Тибетских гор. Далее мы встречаем Вениамина Тудельского на Цейлоне и вслед за тем на острове, по всей вероятности Сокотре, при входе в Аденский залив. Переправившись после этого через Красное море, он приехал в Абиссинию, которую называет «Индией на суше». Спустившись вниз по течению Нила, он достигает вслед за тем местечка Холван, а оттуда, через знойную пустыню Сахару, приезжает в Каир.

Каир, по словам путешественника, большой город, украшенный площадями и лавками; там никогда не бывает дождя, но Нил, выходящий ежегодно из берегов, орошает страну на пространстве «пятнадцати дней пути», что и делает ее необыкновенно плодородной.

Из Каира Вениамин проехал в Александрию, основанную некогда Александром Македонским. «Александрия, – говорит он, – большой торговый город, куда съезжаются купцы со всех частей света; город этот чрезвычайно многолюден, а улицы его так длинны, что кажутся

бесконечными. В море, на целую милю от берега, вдается плотина, на которой стоит высокая башня, сооруженная еще Александром Великим; на вершине этой башни установлено стеклянное зеркало, в которое можно видеть находящиеся на расстоянии пятидесяти дней пути корабли, идущие из Греции или с запада». «Эта светящаяся башня, – добавляет Вениамин, – служит еще и теперь маяком для всех плывущих в Александрию, так как она видна за сто миль не только днем, но и ночью, благодаря большому светильнику, горящему на ее вершине».

Из Египта Вениамин направился в Италию, а оттуда – через Германию – он попал в Париж. Описанием Парижа Вениамин Тудельский и заканчивает повествование о своих путешествиях.

Следуя хронологическому порядку, после Вениамина Тудельского мы должны назвать итальянского путешественника, монаха-францисканца Джованни дель Плано Карпини, которого обычно именуют просто Карпини. Он родился около 1182 года в городе Умбрии. В 1245 году, когда ему было уже шестьдесят три года, он предпринял путешествие в Центральную Азию, к великому монгольскому хану.

Всем известны завоевания и опустошения, произведенные монгольскими ордами под предводительством властолюбивого Чингисхана. В 1206 году этот грозный завоеватель избрал столицей своего царства Каракорум – древний турецкий город в Центральной Азии, который был расположен на реке Орхон, у северных границ Китая. При преемнике Чингисхана, Угедее, монгольское владычество простиралось до Центрального Китая, и этот хан с шестисоттысячным войском нахлынул на Европу. Россия, Грузия, Польша, Моравия, Силезия и Венгрия сделались ареной кровавых битв, кончившихся в пользу Угедея. Наступление монголов взволновало папу римского, задумавшего если не заключить союз с татарами, то хотя бы выведать их дальнейшие намерения. С этой целью папа Иннокентий IV и отправил к татарскому хану свое первое посольство, которое привезло от хана высокомерный и малоутешительный ответ. Тогда папа решил послать к хану второе посольство, поручив эту миссию францисканскому монаху Джованни дель Плано Карпини, слывшему умным и тонким дипломатом. Сопровождать его должен был монах Стефан Богемский.

Карпини выехал в свое далекое путешествие 6 апреля 1245 года из Лиона, где находилась тогда резиденция папы. Карпини и его спутники, не встретив затруднений, достигли владений русского князя, где, по совету последнего, приобрели меха бобров и других пушных зверей, чтобы принести их в дар татарским вельможам.

Везде были видны следы страшного опустошения. Татары, сначала встретившие послов весьма недружелюбно, направили их к своему начальнику, стоявшему во главе авангарда из шестидесятитысячного войска. Предводитель авангарда в свою очередь отослал их под стражей к Батю, главному начальнику и самому могущественному после великого хана властителю.

По пути для них были везде приготовлены свежие лошади; путешествие совершалось днем и ночью, почти без остановок. Таким образом Карпини проехал через всю страну, лежащую между реками Днепр, Дон, Волга и Яик (Урал), и прибыл, наконец, ко двору хана Батыя. «Прежде чем нас повели к хану, – рассказывает Карпини, – нас предупредили, что мы должны будем пройти между двух огней, так как сила огня очистит нас от дурных намерений и от яда, если мы имеем какой-нибудь злой умысел против хана, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение».

Папская грамота была переведена толмачами на славянский, арабский и татарский языки, после чего ее прочли хану. Батый приказал отвести папским послам особую палатку, где им был приготовлен обед, состоявший всего-навсего из маленькой мисочки вареного проса.

На другой день Батый призвал к себе обоих послов и приказал им поехать к великому хану. В апреле 1246 года они снова отправились в путь в сопровождении двух проводников. Куманские степи поразили Карпини своей безлюдностью, так как татары разогнали всех жите-

лей. Проезжая по территории Туркестана, Карпини всюду видел разоренные города, села и крепости.

Только 22 июля Карпини и Стефан Богемский прибыли в Сыр-Орду, главную резиденцию великого хана, находившуюся недалеко от столицы его империи – Каракорума. Монахи попали туда в то время, когда на трон великого хана должен был взойти Куюк, преемник Угедея, умершего весной того же года.

Карпини, живя в орде, изучал быт и нравы татар, и его описания обнаруживают большую наблюдательность. «Летом бывают такие грозы, что многих людей убивает молнией. Ветер свирепствует иногда с такой силой, что опрокидывает всадников... На этой земле зимой никогда не бывает дождя, но даже и летом дождя выпадает так мало, что он едва смачивает пыль и корни трав. Выпадает там также очень крупный град». Карпини так рисует внешность татар: «Глаза и щеки у них отделены друг от друга большим расстоянием и скулы сильно выдаются вперед; нос маленький и плоский, глаза тоже маленькие, а ресницы приподняты до бровей. Они очень худощавы и тонки в поясе, роста по большей части среднего; бороды почти у всех очень маленькие и редкие».

Мужчин от женщин очень трудно отличить вследствие того, что одеваются они совершенно одинаково: все носят халаты, подбитые мехом, и высокие шапки из холста или из шелка, расширяющиеся кверху; живут они в шатрах, сложенных из прутьев и тонких палок и покрытых со всех сторон войлоком; эти жилища легко разбираются и перевозятся на вьючных животных. А самые большие шатры, которые не могут разбираться, перевозятся на повозках.

Монголы – народ очень суеверный: они верят в чары, колдовство и в очистительную силу огня. После смерти какого-нибудь вельможи вместе с ним зарывают чашу, полную мяса, кружку с кумысом, кобылицу с жеребенком и оседланного и взнузданного коня.

Монголы послушны своим начальникам. Они уклоняются от всякой лжи, избегают споров; убийства и грабежи между ними чрезвычайно редки; воровства у них почти вовсе не бывает, и драгоценные вещи не запираются. Эти люди безропотно переносят голод и усталость, жару и холод; они любят веселиться – играют, танцуют и поют при всяком удобном случае.

После долгого ожидания послы, наконец, были приняты великим ханом. Узнав содержание папской грамоты, хан написал ответное письмо, которое кончалось словами: «Мы поклоняемся нашему богу и с его помощью разрушим весь мир от Востока до Запада».

Только осенью Карпини и Стефан выбрались из орды и в продолжение всей зимы пробирались по снежной пустыне. Весной они прибыли ко двору Батые, снабдившего их пропуском, и лишь 24 июня 1247 года добрались до Киева.

Карпини с чувством благодарности рассказывает о том, как они были приняты киевлянами: «Киевляне, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу и поздравляли нас, как будто мы восстали из мертвых; так принимали нас по всей России, Польше и Богемии». Таково в общих чертах содержание рассказа Карпини о его путешествии к татарам. Умер этот знаменитый путешественник в Риме в 1252 году.

Спустя шесть лет после возвращения Плано Карпини францисканский монах Гильом де Рубрук, родом фламандец, был послан к монголам французским королем Людовиком IX. Весной 1253 года Рубрук и его спутники отправились из города Акка в Константинополь, переплыли Черное море и высадились в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма. Здесь монахи купили запряженную четырьмя волами крытую повозку и поехали к низовьям Волги, где была ставка Батые.

После утомительного двухмесячного путешествия Рубрук прибыл в лагерь хана Сартака, расположенный на берегу Волги.

Рубрук и его спутники просили доложить Сартаку об их приезде, и тот согласился принять чужестранцев. Облачившись в церковные одеяния, разложив на подушке библию, псалтырь, тревник, распятие и кадило, с пением молитв они вошли в палатку Сартака. Сартак с

любопытством рассматривал монахов и их одеяние, но в переговоры с ними не вступил, предложив им отправиться к его отцу, хану Батыю. Однако и Батый не захотел вступить в переговоры с посланниками французского короля, а отослал их к великому хану Мункэ, жившему в Каракоруме.

На пути в Каракорум Рубрук прошел через землю башкир, затем через землю Органа, где лежит озеро Балхаш, и через землю уйгуров, после чего приехал в монгольскую столицу Каракорум, перед которой останавливался Карпини, но не был туда допущен. Этот город, по словам Рубрука, был обнесен земляными стенами, с воротами на каждой из четырех сторон.

Великого хана в это время не было в столице, и поэтому Рубрук вместе со своими спутниками должен был отправиться в его резиденцию, находившуюся по ту сторону гор, в северной части страны. На следующий день состоялась церемония их представления ко двору хана. Следуя правилу францисканских монахов, они шли босые, причем отморозили себе пальцы на ногах, так как был сильный мороз. Когда татары ввели монахов к Мункэ-хану, они увидели перед собой «курносого человека среднего роста, лежащего на большом диване; на нем была меховая одежда, блестящая, как шкура тюленя». Вокруг Мункэ-хана сидели на шестах соколы и другие птицы. Послам французского короля были предложены разные напитки: арак, кумыс и мед. Но послы воздержались от питья; сам же хан вскоре охмелел, и аудиенция должна была прекратиться.

Рубрук провел несколько недель при дворе Мункэ-хана, где встретил много немецких и французских пленников, которых заставляли выделывать оружие, домашнюю утварь и т. д. После нескольких аудиенций у великого хана Рубрук получил позволение вернуться в Каракорум и там переждать зиму. Затем, покинув монгольскую столицу, он поехал обратно той же дорогой, но, достигнув города Астрахани, расположенного близ устья Волги, направился к югу и через Дербент, Нахичевань, Эрзерум и Малую Азию достиг порта Акка на берегу Средиземного моря.

Именами Карпини и Рубрука мы можем закончить обзор путешествий, получивших более или менее широкую известность в средние века; однако известность этих путешественников бледнеет и меркнет перед славой венецианца Марко Поло, который справедливо считается самым знаменитым путешественником средневековья.

Глава четвертая Марко Поло (1254–1324)

I

Почему венецианские купцы были заинтересованы в исследовании Центральной Азии. – Семейство Поло и его общественное положение в Венеции. – Братья Никколо и Маффео Поло. Они отправляются в Константинополь, а затем ко двору монгольского императора. – Прием при дворе хана Хубилая. Великий хан назначает их послами к папе. – Возвращение в Венецию. – Марко Поло. – Он отправляется со своим отцом Никколо и дядей Маффео в резиденцию монгольского хана. – Книга Марко Поло, писанная под его диктовку Рустичано.

Венецианские и генуэзские купцы, достигшие в XIII веке торгового могущества на Средиземном море, не могли оставаться равнодушными к исследованиям, предпринимаемым смелыми путешественниками в Центральной Азии, Индии и Китае. Они понимали, что эти страны открывают перед ними новые рынки сбыта и что торговля с Востоком сулит им неисчислимые выгоды. Именно по этой причине два крупных венецианских торговца предприняли путешествие в Восточную Азию.

Оба купца принадлежали к семейству Поло, родом из Далмации. Богатство, приобретенное торговлей, поставило семейство Поло в один ряд с дворянскими родами Венеции.

В 1260 году братья Никколо и Маффео Поло, жившие до этого несколько лет в Константинополе, где они вели торговлю, отправились с большой партией товаров в Крым, к своему старшему брату Андреа, имевшему там свою контору. Отсюда Никколо и Маффео взяли путь на северо-восток в страну татар. Проехав Куманскую землю, они прибыли ко двору Берке-хана, который встретил венецианцев очень радушно и купил у них все товары по дорогой цене.

Братья Поло прожили целый год в земле Берке-хана, пока между ним и Хулагу-ханом не завязалась в 1262 году война. Не решаясь ехать по странам, разоренным монголами, братья предпочли отправиться в Бухару, главную резиденцию хана Борака, где и прожили три года. Когда Борак был побежден и Бухара покорена, приверженцы Хулагу-хана пригласили венецианцев следовать за ними в резиденцию великого монгольского хана, обещая им со стороны последнего ласковый прием. Этот хан, Хубилай (Кублай) – четвертый сын Чингисхана, – завоевал Южный Китай и был императором Китая. Он находился тогда в своей летней резиденции, в Монголии, на границе Китайского царства.

На путешествие из Бухары в Монголию братья Поло употребили целый год, пробираясь через многочисленные горные хребты Центральной Азии. Хубилай-хан был очень рад приезду венецианцев и с большим интересом расспрашивал их о событиях, происходивших в то время на Западе, о жизни и обычаях западноевропейских народов.

Братья Поло, свободно говорившие на монгольском языке, подробно отвечали на все вопросы хана.

После переговоров с венецианцами Хубилай задумал войти в сношения с Западом и решил отправить посольство к папе, поручив обоим братьям Поло быть его представителями перед папой. Хубилай приказал написать на турецком языке грамоту, в которой просил папу прислать ему сто учителей и ученых. В 1266 году братья Поло отправились в Европу.

После долгих странствований, продолжавшихся три года, в 1269 году они достигли крепости Акка на Средиземном море и здесь узнали, что папа Климентий IV, к которому у них было послание от Хубилая, умер, а новый папа еще не был избран. Находившийся в Акке папский легат велел им дожидаться избрания папы. И тогда братья решили провести время ожидания на родине, где они не были уже пятнадцать лет. Маффео и Никколо отправились в Негропонт (Халкида), где сели на корабль, доставивший их прямо в Венецию.

В дороге Никколо узнал о смерти своей жены и о рождении сына, появившегося на свет через несколько дней после его отъезда, в 1254 году, и названного Марко. Оба брата прожили в Венеции два года, а избрание папы все откладывалось. Братья хорошо понимали всю важность ханского поручения и не сочли возможным откладывать далее возвращение к великому хану. Они снова отправились в Акку, взяв с собой и юного Марко, которому было тогда не более семнадцати лет. Новый папа приказал гонцам вернуть путешественников с дороги и вручил им грамоты к великому хану, после чего венецианцы вторично отправились в далекий путь.

Здесь, собственно, и начинается путешествие Марко Поло. Посетил ли он в действительности все многочисленные страны и города, которые описывает в своей книге? Конечно, нет. В рассказе, написанном под его диктовку пизанцем Рустичано, прямо сказано, что «Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей, нелживых и верных. И чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное рассказется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда».

Возвращаясь в Монголию, братья Поло не придерживались того же самого пути, которым они следовали к великому хану в первый раз. Если прежде они ехали вдоль предгорий северного Тянь-Шаня, что значительно удлинило дорогу, то теперь они прошли более корот-

ким путем – через нынешний Афганистан. Но, несмотря на это, их путешествие в резиденцию Хубилай-хана продолжалось около трех с половиной лет.

Марко Поло мало говорит о приеме, оказанном венецианцам Хубилаем, но очень подробно описывает дворец великого хана, выстроенный из камня и мрамора и весь вызолоченный внутри. Дворец помещался в парке, окруженном стеною; там были собраны всякие звери и птицы, били фонтаны, повсюду стояли беседки из бамбука. В летнем дворце хан Хубилай жил по три месяца в году: июнь, июль и август.

Марко Поло упоминает также о дворце сына и наследника великого хана, а затем описывает Ханбалык (Пекин). Старый город отделен от нового города – Тайду – каналом, разделяющим и современный Пекин на две части. Далее путешественник сообщает любопытные подробности об образе жизни великого хана. По его словам, хан Хубилай «ради важности держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников». Обеды хана совершаются с разными церемониями и подчинены строгому этикету. За своим столом, возвышающимся над всеми остальными, он сидит на северной стороне, лицом на юг. По левую сторону от него сидит старшая жена, а по правую – сыновья, племянники и родичи, так что «головы их приходится у ног великого хана».

Далее Марко Поло сообщает, что для более успешного хода торговли великий хан приказал учредить «монетный двор», служащий для него неиссякаемым источником доходов. Ханская монета – всего-навсего кусочек картона с императорской печатью. Картон, выделанный из коры тутового дерева, разрезается на кусочки разной величины, смотря по стоимости «монеты». Великий хан пользуется такими деньгами для всех своих платежей и распространяет их во всех подвластных ему странах, «и никто не смеет, под страхом смерти, их не принимать». Кроме того, обладатели драгоценных камней, жемчуга, золота или серебра обязаны по несколько раз в год приносить свои сокровища на монетный двор, где получают взамен бумажные деньги, так что великий хан владеет всеми сокровищами своей империи.

По описанию Марко Поло, система управления в Китае подчинена строгой централизации. Все царство разделено на тридцать четыре провинции, которые управляются подчиненными хану князьями, живущими в Ханбалыке; при дворцах этих князей живут чиновники, ведающие делами каждой провинции. От столицы расходятся лучами во все концы империи хорошие шоссейные дороги; по этим дорогам на расстоянии двадцати двух миль одна от другой устроены почтовые станции, и на каждой станции всегда стоят наготове от трехсот до четырехсот лошадей для ханских посыльных и чиновников; кроме того, между станциями, через каждые три мили, находятся поселки, приблизительно в сорок домов; там живут гонцы великого хана, «и исполняют они службу вот как: у них большие пояса с колокольчиками, для того чтобы издали слышно было, как они бегут; бегут они вскачь не более трех миль, а через три мили стоит смена; издали слышно, что гонец идет». Гонец отдает поручение соседнему скороходу, и тот бежит дальше, до следующего поста. Таким образом, великий хан уже через сутки получает известия из мест, лежащих в десяти днях пути. Такой способ сообщения обходится Хубилаю очень дешево, так как ханские гонцы вместо жалованья должны довольствоваться освобождением от налогов. Что же касается лошадей, то последние находятся на содержании у жителей провинции и тоже не доставляют чиновникам никаких забот.

Марко Поло прожил в Ханбалыке довольно долго. Он очень понравился великому хану своим живым умом, сметливостью и способностью легко усваивать местные наречия. Вследствие этого Хубилай давал Марко Поло различные поручения и посылал его не только в разные области Китая, но и в Индийские моря, на остров Цейлон, на Коромандельские и Малабарские острова и в Кохинхину (Индо-Китай). В 1280 году Марко Поло был назначен правителем города Янгуй (Янчжоу) и еще двадцати семи городов, входивших в эту область. Выполняя поручения великого хана, Марко Поло объехал большую часть Китая и передал в своей книге

много сведений, ценных и в этнографическом, и в географическом отношении. К описанию этих путешествий Марко Поло мы теперь и перейдем.

II

Река Хуанхэ. – Таян-фу (Тайюань). – Тибет. – Каражан (Юньнань). – Зердендан. – Баошань. – Мян (Мяньнин). – Кангигу. – Толоман. – Кунгуи. – Качиан-фу (Хэцзян). – Манзи. – Янгуи (Янчжоу). – Приморские города. – Саин-фу (Янфэнь). – Кинсай (Ханчжоу). – Фуги (Фуцзянь). – Зайтон (Цюаньчжоу).

Великий хан дал Марко Поло поручение и отправил его гонцом на запад. Оставив Ханбалык, он шел в этом направлении четыре месяца. Позже он рассказал в своей книге «все, что он видел, идя туда и назад». Прежде всего он описывает переправу через большую реку Пулисангинз (Хуанхэ). Он переехал ее по прекрасному каменному мосту с двадцатью четырьмя арками, имеющему триста шагов в длину. «В целом свете, – говорит Марко Поло, – нет такого хорошего моста». Продвигаясь дальше на запад, Марко Поло через десять дней достиг области Таян-Фу (Тайюань), изобилующей виноградниками и тузовыми деревьями. «Тузовых деревьев по всей стране много; это те деревья, чьи листья едят шелковичные черви», – сообщает он в своей книге, не забывая всякий раз упоминать о производстве шелковых тканей в городах, через которые ему приходилось проезжать. И вот, наконец, проехав через весь Китай, путешественник добрался до Тибета. Это гористая страна, изрезанная долинами. По словам Марко Поло, там водятся в большом количестве львы, медведи и другие хищные животные, от которых путешественникам было бы трудно защищаться, если бы там не рос в изобилии бамбук. Купцы и путешественники, проезжающие ночью по этой стране, зажигают бамбук, который при горении сильно трещит, и этот треск отпугивает зверей. «Лошади, как слышат его, с непривычки пугаются сильно, рвут недоуздки и привязи, да и убегают. Случается это часто. Непривычным к треску лошадям завязывают глаза и спутывают все четыре ноги, так что, хоть и слышат великий шум, да бежать-то не могут. Вот так-то, как я вам рассказывал, люди берегут и себя, и свой скот от львов, медведей и других хищников; а их здесь многое множество».

Покинув Тибет, Марко Поло направился в область Гаинду (Цюндзы) и оттуда, переправившись через большую реку Цзиньшацзян (по-видимому, Янцзы) – достиг Каражана (ныне провинция Юньнань). Поло говорит, что жители этой страны употребляют в пищу сырое мясо баранов, буйволов и быков. Это общеупотребительная пища всех сословий, только богатые сдобряют ее чесноком и разными пряностями.

От Каражана, направляясь на юг, Поло вступил в провинцию Зердендан, столица которой Ночиан находилась на месте нынешнего города Юнчан-фу. «У здешних людей, – говорит путешественник, – зубы золоченые; всякий зуб покрыт золотом, они делают золотые слепки с зубов и надевают их на верхние и нижние зубы». Мужчины здесь живут «как рыцари»: «ходят на войну да на охоту, а других дел не делают». Все тяжелые работы являются уделом женщин и рабов. У зерденданцев нет ни идолов, ни храмов, они только поклоняются старшему в роде, то есть предку или патриарху. Производят они между собой расчеты с помощью зарубок на кусочке дерева. Врачей у них нет, но есть знахари и колдуны, которые прыгают, танцуют и играют на инструментах около больного, пока тот не умрет или не выздоровеет.

Из провинции золотозубых людей Марко Поло, следуя по большой дороге, служащей торговым трактом между Индией и Индо-Китаем, проехал область Баошань (в провинции Юньнань) и после пятнадцатидневного путешествия верхом на лошади по лесам, изобилующим слонами, «единорогами» и другими дикими животными, достиг города Мян (Мяньнин). Оттуда путешественник направился к востоку, в город Кангигу (по-видимому, в Северном Лаосе) – главный город провинции того же названия. Жители там татуируют свое тело, нака-

лытая иголками на лице, шее, животе, руках и ногах изображения львов, драконов и птиц; человек со сплошной татуировкой на теле считается красивейшим из смертных.

Южнее Кангигу Марко Поло во время этого путешествия не заходил. Отсюда он поднялся к северо-востоку и через пятнадцать дней пути приехал в провинцию Толоман (на границе нынешних провинций Юньнань и Гуйчжоу). Там он нашел красивых людей со смуглым цветом кожи; это были храбрые воины; жили они на высоких и неприступных горах.

Покинув Толоман, Марко Поло следовал двенадцать дней вдоль реки, на берегах которой часто встречались большие города и селения, и прибыл в провинцию Кунгуи, находившуюся в границах владений великого хана; в этой стране Марко Поло был поражен обилием диких зверей, особенно кровожадных львов.

Из этой провинции Марко Поло направился в Качиан-фу (Хэцзян), откуда вышел на уже знакомую ему дорогу, которая привела его обратно к хану Хубилаю.

Через некоторое время Марко Поло, с новым поручением от великого хана, совершил еще одно путешествие на юг Китая.

Прежде всего, он посетил большую область Манзи (Центральный и Южный Китай), которой, до того, как ее покорил хан Хубилай, управлял миролюбивый китайский государь Фак-фур, избегавший жестоких войн и кровопролитий. Марко Поло приводит легенды о доброте и справедливости этого китайского царя, побежденного монголами.

«Расскажу вам об его добрых делах. Ежегодно кормил он двадцать тысяч малых детей; делалось это вот как. В здешнем царстве бедные женщины бросают детей, только что они родятся, потому что кормить их нечем, а царь приказывал их брать и записывать – под каким знаком, под какою планетою ребенок родился, – а потом приказывал их воспитывать в разных местах, в разных странах, кормилиц у него много было. У кого из богатых детей не было, шел тот к царю и просил у него детей столько, сколько желал и какие ему нравились. Когда дети приходили в возраст, царь их женил и давал им на прожитие. И воспитывал он в год двадцать тысяч мужчин и женщин.

Делал царь и вот еще что. Случалось ему ехать по дороге и завидеть домишко между двух высоких и красивых домов; тотчас же спрашивал он, почему домишко такой невзрачный; отвечали ему, что маленький домик бедного человека, и не может тот построить иного дома; приказывал тут же царь, чтобы перестроили домишко таким же красивым и высоким, как и те два, что рядом с ним.

Более тысячи юношей и девиц прислуживали этому царю. Правил он по справедливости и никому зла не делал. Дома купцов и на ночь не запирались, и ничего не пропадало. Ночью без всякой опаски, все равно, что днем, можно было ходить».

В провинции Манзи Марко Поло посетил город Коигангуи, нынешний Хуайан, расположенный на берегах реки Хуанхэ. Жители этого города занимаются добыванием соли из соляных озер. Затем, продвигаясь все дальше к югу, путешественник посетил один за другим несколько торговых городов: Паншин (Баоин), Каиу (Гаю), Тигуи (Тайчжоу) и, наконец, Янгуи (Янчжоу). В городе Янгуи Марко Поло на протяжении трех лет был губернатором. Однако Марко Поло и в этот период не оставался долго на одном месте. Продолжая ездить по стране, он внимательно изучал приморские и внутренние города.

Прежде всего путешественник побывал в городе Нангхине (Аньцин), который не следует смешивать с нынешним Нанкином. Он расположен в чрезвычайно плодородной провинции. «Богатых купцов тут изрядно; платят они большую подать, и великому хану от них большой доход».

Потом Марко Поло описывает в своей книге город Саин-фу (Янфэнь), лежащий в северной части провинции Хэбэй. Это был последний город области Манзи, сопротивлявшийся Хубилаю уже после того, как вся область была покорена. Великий хан осаждал город в течение трех лет и овладел им благодаря содействию трех венецианцев Поло, состоявших у него на

службе. «Говорили тут два брата и сын, господин Марко: “Великий государь, есть у вас мастера, пусть сделают они такие снаряды, что большие камни бросают, не выдержит этот город; станут машины бросать камни, тут он и сдастся”. Были построены метательные машины – баллисты, разгромившие город градом камней, из которых многие достигали трехсот фунтов».

Из всех городов южного Китая наибольшее впечатление произвел на Марко Поло «величественный город» Кинсай (Ханчжоу).

В этом городе – десятки тысяч ремесленников, снабжающих своими изделиями разные города и области Китая. Много здесь богатых купцов, которые «собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари».

В книге Марко Поло можно найти также описание царства Фуги (Фуцзянь) с главным городом того же названия. Здесь, по словам путешественника, часто бывают бунты населения против монгольского владычества: «где случится бунт, туда идут здешние войска, возьмут город и разорят его; поэтому-то в городе много войск великого хана».

Недалеко от города Фуги расположен большой порт Кайтон, ведущий оживленную торговлю с Индией. Отсюда, после пяти дней пути, Марко Поло прибыл в город Зайтон (Цюаньчжоу) – самый дальний пункт в его путешествии по юго-восточному Китаю.

III

Япония. – Отъезд троих Поло с дочерью Хубилай-хана и с персидскими посланниками. – Зайтон. – Ява. – Суматра. – Цейлон. – Коромандельский берег. – Малабарский берег. – Оманский залив. – Остров Скотра (Сокоatra). – Мадагаскар. – Занзибар и африканский берег. – Абиссиния. – Аденский залив. – Ормуз. – Возвращение в Венецию. – Празднества в доме Поло. – Марко Поло – пленник генуэзцев. – Смерть Марко Поло.

Марко Поло, благополучно завершив свое путешествие, снова возвратился ко двору хана Хубилая. После этого он продолжал выполнять разные его поручения, пользуясь своим знанием монгольского, турецкого, маньчжурского и китайского языков. Он принял участие в экспедиции на Индийские острова и впоследствии составил отчет о плавании по этим, тогда еще мало известным, морям.

В книге Марко Поло мы находим также различные подробности об островах Чипангу (Японии), но нельзя сказать с уверенностью, побывал ли он сам в этой стране. Япония славилась в то время своими богатствами, и около 1264 года, за несколько лет до прибытия Марко Поло к монгольскому двору, хан Хубилай пытался ее покорить. Его флот благополучно достиг Японии и уже завладел было одной крепостью, защитники которой были все перебиты, как вдруг налетела страшная буря и рассеяла монгольские корабли. Многие из них затонули, а уцелевшие вернулись ни с чем.

В продолжение одиннадцати лет, не считая времени, потраченного на путешествие из Европы в Китай, Марко Поло, его отец Никколо и дядя Маффео оставались на службе у великого хана. Они стосковались по родине и хотели вернуться в Европу, но Хубилай не соглашался их отпустить. Венецианцы оказали ему много ценных услуг, и он предлагал им всевозможные дары и почести, чтобы удержать при своем дворе. Тем не менее, венецианцы продолжали настаивать на своем, рискуя вызвать гнев великого хана. Неожиданно им помогла счастливая случайность.

Монгольский хан Архун, царствовавший в Персии, прислал к великому хану послов, которым поручено было просить для Архуна в жены дочь Хубилая. Хубилай согласился отдать за него свою дочь и решил отправить невесту с большой свитой и богатым приданым в Персию, к Архуну. Но страны, лежавшие на пути из Китая в Персию, были охвачены восстанием против монгольского владычества и ехать по ним было небезопасно. Через некоторое время караван вынужден был повернуть обратно.

Послы персидского хана, узнав о том, что венецианцы – искусные мореплаватели, стали просить Хубилая доверить им «принцессу»: послы хотели, чтобы венецианцы доставили ее в Персию кружным путем, по морю, что было не так опасно.

Хубилай-хан после долгих колебаний уступил этой просьбе и приказал снарядить флот из четырнадцати четырехмачтовых кораблей и снабдить экипаж запасами на два года. На некоторых судах помещалось до двухсот пятидесяти человек. Маффео, Никколо и Марко Поло возглавили экспедицию, которая находилась в пути более трех лет.

В 1291 году монгольский флот покинул порт Зайтон (Цюаньчжоу), где Марко Поло был уже однажды во время своего путешествия по южному Китаю. Отсюда он направился к обширной стране Чيانба (Чамба, одна из областей нынешнего Вьетнама), которая была подчинена великому хану и поставляла ему ежегодно в виде дани определенное количество слонов.

Далее ханский флот направился к острову Ява, который Хубилай «никак не мог захватить, оттого, что путь сюда далек, да и плавание опасно». После стоянки на островах Сендур и Кондор (у берегов Камбоджи), Марко Поло достиг острова Суматры, который он называет Малой Явой. Дурная погода задержала флот на целых пять месяцев, и путешественник, воспользовавшись случаем, посетил главные провинции острова. Особенно его поразили саговые деревья: «Кора у них тонкая, а внутри одна мука; из нее делают вкусное тесто». Наконец ветры позволили кораблям покинуть Малую Яву. Флот направился к юго-западу и вскоре достиг Цейлона. Этот остров, говорит Поло, был некогда гораздо больше, но северный ветер дует здесь с такой силой, что море затопило часть земли.

В шестидесяти милях к востоку от Цейлона мореплаватели встретили большую область Маабар (Коромандельский берег полуострова Индостана), которую не следует смешивать с Малабаром, лежащим на западном берегу того же полуострова. Область Маабар славится ловлей жемчуга. Там, сообщает Поло, есть чародеи, которые «заколдовывают рыбу, чтобы не вредила она людям, ныряющим в воду за жемчугом», и за это колдуны получают свою долю от улова. Путешественник сообщает также интересные подробности о нравах индийцев, о похоронах индийских царей, в честь которых «все князья, что были его верными друзьями», бросаются в огонь, о распространенном обычае самоубийств «из любви к таким-то идолам», о своеобразии религиозных обрядов и т. д.

Путешествие Марко Поло по Индии продолжалось вдоль Коромандельского побережья. Он подробно рассказывает о жизни брахманов, которые, по его словам, очень долговечны, «и все оттого что воздержанны и едят мало».

От берегов Индии флот Марко Поло снова возвратился к Цейлону, а затем отправился в город Каил (Каял) – в то время оживленный порт, куда заходили корабли из многих восточных стран. Далее, обогнув мыс Коморин, самую южную точку Индостана, мореплаватели увидели Коиллон (нынешний Куилон), гавань на Малабарском берегу, бывшую в средние века одним из главных пунктов торговли с Западной Азией.

Посетив затем Мелибар (Малабар), Гозурат (Гуджарат) и Макоран (Макран) – последний город в северо-западной части Индии, – Марко Поло, вместо того, чтобы подняться к Персии, где его ждал жених монгольской принцессы, направился к западу через Оманский залив. Желание увидеть новые страны было настолько сильно у Марко Поло, что он уклонился на пятьсот миль в сторону, к берегам Аравии; он остановился здесь близ островов Мужского и Женского, названных так потому, что на первом острове жили одни мужчины, а на втором женщины, и только в марте, апреле и мае мужчины имели право посещать Женский остров. От этих островов флотилия Поло направилась к острову Скотра (Сокотра), лежащему у входа в Аденский залив. О жителях этого острова Марко Поло отзывался как об искусных колдунах, способных силою своих чар повелевать бурями и ураганами. Спустившись затем на тысячу миль к югу, он направил свой флот к берегам Мадагаскара.

«Едят тут только одно мясо – верблюжье; кто не видел, тот и не поверит, сколько верблюдов убивается ежедневно; народ здешний говорит, что верблюжье мясо лучше и здоровее всякого другого, поэтому-то и ест его круглый год». Но что особенно поразило Марко Поло – это баснословная птица гриф (или иначе – птица Рук), о которой говорится в сказках «Тысячи и одной ночи» и в различных народных преданиях.

Поднимаясь от Мадагаскара к северо-западу, Марко Поло приплыл к острову Занзибару, а затем и к африканскому берегу. Обитатели этих мест, по его словам, «толсты и жирны так, что кажутся великанами; очень они сильны; поднимает один, что четверем только стащить, да и неудивительно: ест он за пятерых; они совсем черны, ходят нагишом, покрывают только срамоту». У африканцев большой рот, вздернутый нос, толстые губы, крупные глаза. Питаются они рисом, мясом, молоком, финиками и употребляют вино из риса с пряностями.

Покинув Занзибар, Марко Поло направился в среднюю Индию – посетил прежде всего Абасию или Абиссинию, очень богатую страну, где выращивают много хлопка и выделяют из него хорошие ткани; затем флот достиг порта Зейла, почти у входа в Баб-эль-Мандебский пролив, и далее, следуя вдоль берегов Аденского залива, останавливался последовательно в Адене, Калату (Кальхат), Дуфарь (Зафар) и, наконец, Курмозе (Ормуз).

В Ормузе и закончилось плавание Марко Поло. Монгольская принцесса, наконец, добралась до границы Персии. Ко времени ее прибытия хан Архун успел уже умереть и в персидском царстве начались междоусобные войны. Марко Поло отдал монгольскую принцессу под покровительство сына Архуна Гассана, который как раз в это время вел борьбу со своим дядей, братом Архуна, пытавшимся захватить освободившийся престол. В 1295 году соперник Гассана был задушен, и Гассан стал персидским ханом. Как сложилась дальнейшая судьба монгольской принцессы – неизвестно, так как Марко Поло вместе с отцом и дядей поспешил в свое отечество.

В 1295 году, после двадцатичетырехлетнего отсутствия, Марко Поло вернулся в родной город. Три путешественника, опаленные знойными лучами солнца, в грубых татарских одеждах, с монгольскими манерами, почти забывшие родную речь, не были узнаны даже самыми близкими родственниками. К тому же в Венеции давно уже ходили слухи о их смерти, и все считали троих Поло погибшими в Монголии. Путешественники отправились в квартал Иоанна Златоуста, где находился их дом, но он оказался занятым многочисленными представителями семейства Поло, которые встретили прибывших незнакомцев с большим недоверием и долго не соглашались пускать на порог.

Спустя несколько дней путешественники устроили пир, на который были приглашены все их родственники и знатные граждане Венеции. Когда приглашенные собрались в приемном зале, трое Поло вышли к ним в великолепных атласных одеждах, а затем, во время пиршества, предстали перед собравшимися в платье из малинового бархата и роздали гостям по куску дамасского шелка. Наконец, они приказали слугам принести ту самую грубую татарскую одежду, в которой они прибыли в Венецию. На глазах у всех они распоролы швы, оторвали подкладку, и из рубища стали сыпаться на стол рубины, сапфиры, изумруды, бриллианты и другие драгоценные камни. Под этими лохмотьями скрывались несметные богатства.

Скоро Марко Поло стал именитым гражданином Венеции и был избран в члены магистрата. Охотно рассказывая о своих приключениях на Востоке, он особенно часто упоминал о «миллионах» великого хана, который управлял «миллионами» подданных. Поэтому сограждане, не очень-то доверявшие его рассказам, прозвали Марко Поло «господином Миллионом».

В 1298 году между республиками Венецией и Генуей разгорелась междоусобная война. В морском сражении, 7 сентября 1298 года, венецианцы были разбиты генуэзцами, и Марко Поло, раненый, попал в плен. Победители, зная о путешествиях Поло, отнеслись к нему с уважением. Знатные генуэзцы охотно принимали пленника в своих домах, желая послушать его удивительные рассказы. Они не уставали слушать Марко Поло, но, в конце концов, ему надоело

рассказывать. Чтобы дать возможность всем желающим познакомиться с его приключениями в стране великого хана, Марко Поло в 1298 году продиктовал свой рассказ пизанцу Рустичано, с которым встретился в геновской тюрьме, где его держали в качестве заложника.

Около 1299 года Марко Поло был отпущен на свободу, вернулся в Венецию и там женился. После этого его следы теряются. Известно только из сохранившегося духовного завещания, помеченного 9 января 1323 года, что он оставил трех дочерей; биографы полагают, что Марко Поло умер около того же времени, семидесяти лет от роду.

Такова жизнь этого знаменитого путешественника, записки которого оказали громадное влияние на развитие географических знаний. До середины XVIII века книгой Марко Поло, которая долгое время распространялась под заглавием «Книга чудес мира», пользовались для установления торговых путей в Индию, в Китай и в Центральную Азию. Но еще большую роль книге Марко Поло суждено было сыграть в истории открытия Нового Света, так как его рассказы о чудесных странах Востока, изобилующих сокровищами, побудили европейцев предпринять поиски морского пути в Индию и к берегам Китая.

Глава пятая Ибн-Баттута (1304–1377)

Ибн-Баттута. – Нил, Газа, Тир, Тивериада, Баальбек-Небек, Дамаск, Мешхед, Басра, Багдад, Тебриз, Медина, Мекка, Йемен. – Абиссиния. – Берберийская земля. – Ормуз. – Сирия. – Анатолия. – Малая Азия. – Астрахань. – Константинополь. – Туркестан. – Герат. – Инд. – Дели. – Малабарский берег. – Мальдивские острова. – Цейлон. – Коромандельский берег. – Бенгалия. – Суматра. – Китай. – Африка. – Нигер. – Тимбукту.

Достоинным последователем Марко Поло был арабский путешественник Ибн-Баттута, который для исследования Египта, Аравии, Анатолии, Татарии, Индии, Китая, Бенгалии и Судана сделал то же, что Марко Поло для значительной части Центральной Азии.

Ибн-Баттута (полное его имя Абу-Абдалла-Мухаммед Ибн-Баттута) родился в 1304 году в городе Танжере в Северной Африке. Получив богословское образование, Ибн-Баттута в 1324 году решил совершить паломничество в священный город арабов Мекку. Но поехал он туда не прямым путем. Из Танжера он направился в Египет, побывал в Александрии и Каире, поднялся вверх по Нилу до границ Нубии, а затем, вернувшись обратно в Египет, переправился в Малую Азию, где посетил Газу, Тир – тогда сильно укрепленный город – и через Тивериаду и Баальбек-Небек проехал в Дамаск. В этом городе свирепствовала чума. Из Дамаска Ибн-Баттута поспешил отправиться в Мешхед, где посетил гробницу арабского пророка Али. В Мешхеде собираются толпы больных и увечных, которым, по словам путешественника, достаточно провести у гробницы одну ночь, чтобы исцелиться от своих недугов. Баттута, по-видимому, несколько не сомневается в возможности этого чуда, носящего на востоке название «ночь выздоровления».

После Мешхеда неутомимый и любознательный паломник отправился в Басру, затем в королевство Исфахан и в провинцию Шираз. Из Ширази он проехал в Багдад, Тебриз, оттуда – в Медину и, наконец, прибыл в Мекку, где оставался три года.

Во времена Ибн-Баттуты, в эпоху расцвета владычества ислама, в Мекку стекались богомольцы с разных концов земли – из Китая, Центральной Азии, Индии, Африки, Египта. С караваном паломников Ибн-Баттута посетил все города Йемена. Добравшись до Адена, он отплыл в Зейлу, один из портов Абиссинии, и вступил на африканский берег. Продвигаясь все дальше и дальше, любознательный путешественник попадает потом в Ормуз, объезжает несколько персидских провинций, и в 1332 году мы вторично застаем его в Мекке, куда он вернулся после трехлетних странствий.

Но это был только временный перерыв в путешествиях Ибн-Баттуты. Вскоре он опять покинул Аравию. Пустившись исследовать малоизвестные страны верхнего Египта, он направился к Каиру, оттуда – в Сирию, в Иерусалим, Триполи, Анатолию, где единоверцы оказали ему радушный прием.

Дальше арабский путешественник рассказывает о Малой Азии. В Эрзуруме ему показали метеорит весом в 620 фунтов.

Переплыв Черное море, Ибн-Баттута совершил путешествие по Крыму и степям Южной России, добрался до города Болгар, лежавшего на берегах Камы, недалеко от Волги – на такой высокой широте, замечает путешественник, что стало очень заметно неравенство дня и ночи. Затем Ибн-Баттута спустился к устью Волги и прибыл в Астрахань, где находилась зимняя резиденция монгольского хана. В это время одна из жен хана собиралась навестить своего отца, константинопольского императора. Ибн-Баттута не преминул воспользоваться оказией, чтобы посетить Европейскую Турцию. Он добился разрешения присоединиться к свите. Жена хана отправилась в путь в сопровождении десяти тысяч человек. Прием, оказанный им в Константинополе, был великолепен; колокола гремели с такой неистовой силой, что, казалось, «даже горизонт колеблется от этого звона».

Из Константинополя он возвратился в Астрахань. Отсюда через бесплодные пустыни Туркестана Ибн-Баттута направился в Хоросан, а затем в Бухару, полуразрушенную после нашествия Чингисхана. Не только терпение, но и удача помогли ему добраться до города Герата. Это был самый дальний пункт, достигнутый путешественником на западе. Следуя вдоль границы Афганистана, он достиг берегов Инда и отправился вниз по течению до устья реки. Побывав в городе Лагоре, путешественник направился в Дели. Это был большой и прекрасный город, жители которого почти все разбежались, напуганные жестокостями тамошнего властителя Магомета.

Но иногда на этого тирана находили минуты великодушия. Арабский путешественник прибыл к нему в одну из таких счастливых минут и был принят весьма благосклонно. Тиран осыпал его милостями и назначил судьей в Дели, предоставив земли и денежные доходы, связанные с этой должностью. Вскоре, однако, тиран заподозрил Ибн-Баттуту в заговоре. Чтобы избежать гнева Магомета, Ибн-Баттута вынужден был оставить свою должность и сделался факиром. Но Магомет неожиданно сменил гнев на милость и назначил Ибн-Баттуту посланником в Китай.

Итак, судьба еще раз улыбнулась мужественному путешественнику. Теперь он мог добраться до отдаленнейших стран при очень удобных и сравнительно безопасных условиях. В сопровождении двух тысяч всадников он повез подарки китайскому императору. Ибн-Баттута никак не рассчитывал на встречу с повстанцами. Между тем индийцы напали на его конвой, а самого Ибн-Баттуту дочиста ограбили и взяли в плен. Связанного по рукам и ногам, его увезли в неизвестном направлении. Однако он не потерял присутствия духа и, воспользовавшись первой возможностью, совершил смелый побег. Он скитался в течение семи дней, пока не встретил, наконец, одного негра, который привез его в Дели, ко двору императора.

Магомет, узнав о злключениях Ибн-Баттуты, снарядил новую экспедицию, которая на сей раз благополучно миновала мятежные области и достигла Малабарского берега. Через некоторое время Ибн-Баттута вступил в Каликут. Здесь он оставался три месяца в ожидании благоприятного ветра.

Наконец задул попутный ветер. Ибн-Баттута нанял тридцать джонок и нагрузил на них подарки для китайского императора. Но разыгравшаяся ночью буря разбила все суда, и дары Магомета пошли на дно. После этой второй катастрофы Ибн-Баттута уже больше не рискнул предстать пред властителем Дели и отплыл на Мальдивские острова.

Поселившись на Мальдивских островах, арабский путешественник женился на трех женах. Местная королева обратила внимание на Ибн-Баттуту и назначила его судьей. Однако

великий визирь, завидовавший популярности араба, начал строить против него козни. Ибн-Баттута снова пришлось бежать. Он надеялся добраться до Коромандельского берега, но ветры отнесли его судно к острову Цейлону.

Здесь Ибн-Баттута был принят с большим почетом и получил от султана разрешение подняться на священную гору Серендид, или Адамов пик. Ему хотелось увидеть на вершине горы чудесный отпечаток человеческой ноги, который, как утверждали индийцы, был оставлен на камне «стопою Будды» при его вознесении на небо.

С Цейлона Ибн-Баттута все же добрался до Коромандельского берега, хоть и испытал в пути жестокие бури. Оттуда он попал в Бенгалию, где его восхитили естественные богатства страны, и затем переправился на Суматру. Принятый с почетом местным королем, он воспользовался его щедротами, которые помогли собрать необходимые средства для поездки в Китай.

Ибн-Баттута побывал во многих городах этой обширной империи, изучая обычаи китайцев, их промышленность и торговлю. Правда, до Великой стены на севере Китая он так и не добрался, хотя упоминает о ней в своем сочинении, называя эту стену «препятствием Гога и Магога». Случай дал ему возможность присутствовать на похоронах одного хана, который был погребен вместе с четырьмя рабами, шестью фаворитами и четырьмя лошадьми. Затем Ибн-Баттута вернулся в Зейтун, но вспыхнувшее там восстание заставило его покинуть этот город. Он отплыл обратно на Суматру, откуда после остановок в Каликуте и Ормузе возвратился в 1348 году в Мекку, объехав еще Персию и Сирию.

В следующем году Ибн-Баттута вернулся после двадцатипятилетних странствий в свой родной город Танжер. Но он не мог долго усидеть на одном месте. Через некоторое время его снова потянуло в дальние страны. На этот раз Ибн-Баттута отправился в Испанию, затем вернулся в Марокко, проник в глубь Судана; объехав области, орошаемые Нигером, он пересек через великую пустыню Сахару и, наконец, вступил в город Тимбукту, совершив новое большое путешествие, уже само по себе достойное высшей славы. Это было его последнее путешествие. В 1353 году, спустя двадцать девять лет после того, как Ибн-Баттута в первый раз покинул Танжер, он возвратился в Марокко и поселился в Феце, где встретил человека, которому продиктовал свою увлекательную книгу, известную под заглавием «Подарок любознательным».

Арабский путешественник прославился как самый отважный исследователь XIV века, и потомство совершенно справедливо ставит имя Ибн-Баттуты рядом с именем знаменитого венецианца Марко Поло.

Глава шестая

Жан де Бетанкур (1339–1425)

Нормандский рыцарь. – Его мечты о завоеваниях. – Что было известно о Канарских островах. – Кадис. – Канарский архипелаг. – Жан де Бетанкур возвращается в Испанию. – Свидание Бетанкура с кастильским королем Генрихом III – Гадифер исследует Канарский архипелаг. – Возвращение Жана де Бетанкура и его ссора с Гадифером. – Крещение канарийцев. – Французские колонисты на Канарских островах. – Попытки завоевать остров Гран-Канария. – Учреждение канарийской епархии.

В 1339 году в графстве Э, в Нормандии, родился Жан де Бетанкур, барон Сен-Мартен ле-Айар. Проявив себя как отважный воин и искусный мореплаватель, он мечтал снарядить большую заморскую экспедицию и совершить какое-либо открытие.

Благоприятный случай не заставил себя ждать.

В Атлантическом океане, против берегов Африки, лежит группа Канарских островов, носивших некогда название «Счастливых». Мысль о завоевании Канарских островов показала Жану де Бетанкуру весьма соблазнительной, и он стал готовиться к экспедиции. Покинув

свой замок, он отправился в Ла-Рошель на берегу Атлантического океана. Там он встретился с рыцарем Гадифером де ла Саль, таким же точно искателем приключений. Жан де Бетанкур поделился с Гадифером своими замыслами, и тот предложил ему попытать счастье вместе. Бетанкур ответил согласием.

Вскоре Бетанкур приобрел хорошие корабли, нанял матросов, собрал войско и закупил припасы. Вместе с Гадифером он вышел из гавани Ла-Рошель и благополучно прибыл в испанский порт Ла-Корунья. Затем флотилия снова направилась на юг, вдоль Португальского берега, и, войдя в испанскую гавань Кадис, надолго там задержалась. Задержка произошла из-за распри Бетанкура с генуэзскими купцами, которые обвинили его в похищении у них корабля. Бетанкур вынужден был отправиться в Севилью, к королю Генриху III, который снял с него обвинение.

Через восемь дней после отплытия из Кадиса флотилия достигла одного из островов Канарской группы, которому Бетанкур присвоил название «Грасьоса». Вскоре показался еще один остров – Лансароте, длиной в 44 и шириной в 16 километров. Прежде чем обнаружить здесь свои завоевательные замыслы, Жан де Бетанкур решил захватить несколько других островов. Войдя в доверие к местному царьку, нормандский рыцарь построил на острове Лансароте небольшую крепость и, оставив там гарнизон, отправился дальше. В течение восьми дней Жан де Бетанкур объезжал соседние острова, но не встретил ни одного человека, так как все жители при приближении корабля скрывались в горах. Между тем припасы у мореплавателей быстро истощались, и среди экипажа началось волнение.

Оставив Гадифера на острове Лансароте, Жан де Бетанкур решил возвратиться в Испанию, чтобы запастись провизией и набрать новую команду, так как на своих людей полагаться он больше не мог.

Первое, что он сделал по прибытии в Кадис, – принял меры против взбунтовавшихся матросов, заключив самых непокорных в тюрьму. Затем нормандский рыцарь отправился в Севилью, добился аудиенции у кастильского короля Генриха III и отдал ему под покровительство Канарские острова.

Расчет оказался правильным. Кастильский король не только согласился принять щедрый дар, но и назначил Жана де Бетанкура правителем Канарских островов, определив в его пользу пятую часть дохода со всех товаров, которые будут поступать с этих островов в Испанию. Кроме того, Генрих III подарил ему двадцать тысяч мараведи и предоставил право чеканить на Канарских островах собственную монету. Генрих III отдал также в распоряжение Бетанкура хорошо оснащенный корабль с большим грузом провизии, оружия и всевозможных припасов.

Между тем на острове Лансароте, где губернатором был оставлен Гадифер, начались раздоры и столкновения среди людей, составлявших гарнизон крепости, а затем – стычки европейцев с туземцами, повлекшие жертвы с той и другой стороны. В конце концов Гадифер решил перебить всех туземных мужчин, а женщин и детей обратить в христианскую веру. Только неожиданное прибытие корабля, посланного Жаном де Бетанкуром, отвлекло Гадифера от исполнения этого замысла.

Как только закончилась разгрузка корабля, Гадифер отправился на нем исследовать соседние острова архипелага.

На острове Гран Канария (Большая Канария) навстречу европейцам вышло около пяти-сот туземцев. Зная о жестокости завоевателей, они держались настороже и не пустили их в глубь острова.

Тогда Гадифер направился к острову Гомера, на котором виднелись многочисленные огни. С наступлением дня некоторые из спутников Гадифера попытались было высадиться на берег, но неустрашимые туземцы набросились на европейцев и вынудили их поспешно отчалить.

После этого Гадифер решил попытать счастья на острове Ферро (Иерро). Здесь высадка не встретила никаких препятствий, и Гадифер со своими спутниками прожил на этом острове двадцать два дня.

Остров Ферро был великолепен. Тысячи сосен вздымали к небу свои мощные стволы. Глубокие прозрачные ручьи щедро орошали почву. В лесу встречались в изобилии кабаны, козы и овцы и всевозможная пернатая дичь.

Покинув Ферро, Гадифер отправился на остров Лас-Пальмас (остров Пальмы) и пристал к гавани, лежащей недалеко от большой реки. Этот остров также был покрыт сосновым лесом и драконовыми деревьями. Здесь Гадифер встретил туземцев – красивых, рослых и сильных людей, с правильными чертами лица и белой кожей.

Гадифер оставался на этом острове несколько дней. Затем, запасшись водой, он объехал остальные острова архипелага и вернулся в свою крепость на Лансароте. За те три месяца, что Гадифер отсутствовал, оставшаяся часть отряда вступала в постоянные стычки с островитянами и захватила многих из них в плен. Доведенные до отчаяния, канарийцы стали сами отдаваться в руки европейцев и соглашались принять крещение, лишь бы только избавиться от жестоких преследований. Обрадованный таким исходом дела, Гадифер направил в Испанию к Бетанкуру посланца с отчетом о последних событиях на Канарских островах.

Но не успел еще губернаторский посланец добраться до Кадиса, как Жан де Бетанкур самолично прибыл на остров Лансароте. Гадифер и все европейцы оказали ему торжественный прием.

Жан де Бетанкур был человеком честолюбивым. Не довольствуясь покорением Канарских островов, он стал уже мечтать о завоевании африканских земель. Между тем предстояло еще приложить немало усилий, чтобы упрочить господство на Канарских островах, властителем которых он являлся пока только номинально. Поэтому Бетанкур решил прежде всего осмотреть острова, исследованные Гадифером.

Запасшись съестными припасами и оружием, он отправился вместе с Гадифером к острову Фуэртевентура, где оставался в течение трех месяцев. За это время он захватил в плен много туземцев и отправил их на Лансароте. Следует сказать, что жители Фуэртевентура, чрезвычайно смелые и сильные люди, яростно отстаивали свои законы и обычаи. Но перевес был на стороне завоевателей, к тому же еще построивших крепость на вершине горы.

Однако экспедицию пришлось неожиданно прервать, так как между обоими завоевателями вспыхнула ссора. Гадифер резко упрекал Бетанкура за то, что он принес острова в дар кастильскому королю, и требовал, чтобы несколько островов было отдано ему в полное владение. Дело кончилось тем, что соперники отправились искать справедливости в Испанию, каждый на своем корабле, и порознь прибыли в Севилью. Король Кастилии, как и следовало ожидать, нашел поведение барона де Бетанкура вполне справедливым и выразил свое порицание Гадиферу, после чего тот вернулся во Францию, чтобы никогда больше не приезжать на Канарские острова.

Избавившись от соперника, Жан де Бетанкур снова прибыл на остров Фуэртевентура, где не прекращались битвы с канарийцами, которые успели разрушить крепость, построенную завоевателями. Когда Бетанкур получил подкрепление с острова Лансароте, война разгорелась с новой силой. Наконец сопротивление туземцев было сломлено и вместе со своими вождями они были обращены в христианскую веру.

Бетанкур, довольный достигнутыми результатами, решил поехать во Францию. Он поручил управление островами лейтенанту Жану де Куртуа, а сам в январе 1405 года отправился в путь, захватив с собой четырех туземцев – трех мужчин и одну женщину.

Через двадцать один день барон де Бетанкур достиг берегов Нормандии и прибыл в свой родовой замок Гранвиль. Не собираясь здесь долго засиживаться, он рассчитывал увлечь за собой на Канарские острова несколько десятков соотечественников. Приглашал он главным

образом разных мастеров и ремесленников, обещая наделить их землей. Для перевозки эмигрантов Бетанкур снарядил два корабля. Некоторые переселенцы отправились на Канарские острова вместе со своими семьями. На этот раз стареющий рыцарь привез из Франции своего племянника Масио де Бетанкура, которому решил впоследствии передать управление островами.

После кратковременного отдыха на Лансароте Жан де Бетанкур отправился покорять самый большой из островов архипелага – Гран-Канарию. 6 октября 1405 года три корабля с вооруженными людьми отчалили от Лансароте.

Этот остров, гористый на юге и низменный на севере, был покрыт роскошной растительностью. Пихты, драконовые, оливковые, фиговые и финиковые деревья образовывали густые леса. В жестоких схватках европейцев с островитянами обе стороны понесли большие потери. С некоторыми перерывами битва продолжалась шесть недель, и все-таки Гран-Канарию на этот раз покорить не удалось.

Затем Бетанкур возвратился на Лансароте и вскоре задумал совершить путешествие в Рим, чтобы просить папу о назначении на Канарские острова епископа. Заручившись письмом от кастильского короля, Жан де Бетанкур получил аудиенцию у папы римского, который сразу же откликнулся на его просьбу послать на Канарские острова епископа и священников.

Остаток жизни Жан де Бетанкур провел в Нормандии в своем родовом замке.

Канарские острова были первой испанской колонией на Атлантическом океане. Завоеванием Канарских островов было положено начало европейской колонизации.

Глава седьмая **Христофор Колумб (1436–1506)**

I

Открытие португальцами острова Мадейры, островов Зеленого мыса, Азорских островов, Гвинеи и Конго. – Мыс Доброй Надежды. – Бартоломеу Диаш. – Успехи географии и торговли в средние века. – Общераспространенное заблуждение о расстоянии между Европой и Азией. – Молодые годы Христофора Колумба. – Его первые путешествия. – Зарождение у Колумба мысли об открытии западного морского пути в Индию и Китай. – Пребывание Колумба в монастыре Рабида. – Аудиенция у Фердинанда и Изабеллы. – Договор от 17 апреля 1492 года. – Братья Пинсон. – Три каравеллы Колумба. – Отплытие из Палоса 3 августа 1492 года.

1492 год – знаменитый год в географической летописи. Это достопамятный год открытия Америки. Расскажем вкратце о том, что произошло с того времени, как Жан де Бетанкур колонизовал Канарские острова, то есть с 1405 до 1492 года.

Научные и географические познания арабов, изгнанных в конце XV века из Испании, оказали заметное влияние на развитие науки на всем Пиренейском полуострове. Во всех приморских городах, особенно в португальских, не прекращались разговоры об африканском берегу и заморских странах, полных богатств и всяких чудес.

Португальский инфант¹ Энрики, известный в истории под именем Генриха Мореплавателя (1394–1460), с увлечением занимался астрономией и географией; он организовал несколько морских экспедиций в Африку и немало способствовал расцвету колониального могущества Португалии.

¹ Испанский (и португальский) титул королевского сына, наследного принца.

Мыс Нон на западном берегу Африки издавна считался роковым рубежом для всех путешественников. Само название мыса – «Нон», по-латыни «нет» – говорит о том, какой он пользовался дурной славой. В 1419 году этот мыс обогнули два португальских дворянина – Жуан Гонсалу Сарку и Триштан Тейшейра, посланные Генрихом Мореплавателем к берегам западной Африки. Унесенные ветром далеко в открытое море, они были отброшены к острову, названному ими Порту-Санту. Вернувшись сюда через год, они заметили на юго-восточном горизонте черную точку. Португальцы направились к ней и увидели поросший лесом остров, который и называли Мадейра, то есть «Лесистый». После этого открытия прошло еще пятнадцать лет, прежде чем португальцам удалось обогнуть мыс Бохадор, охраняемый, как тогда говорили, яростными морскими течениями и свирепыми ветрами. Только в 1434 году капитан Жил Эаниш, человек смелый и честолюбивый, после третьей попытки прошел мимо этого страшного мыса, лежащего в двухстах километрах южнее Канарских островов. Ободренные этим примером, Антан Гонсалвиш в 1441 году и Нуњу Триштан в 1444 году продвинулись еще дальше к югу. Первый привез с собой немного золотого песку с берегов Рио-де-Оро, а второй достиг устья реки Сенегал и захватил десять негров, которых доставил в Лиссабон и продал в рабство по очень высокой цене. Так было положено начало торговле неграми – торговле, опустошавшей африканский материк и покрывавшей человечество позором в течение четырех столетий...

Инфант Энрики не только одобрил торговлю неграми, но и выговорил для себя пятую часть дохода от этого позорного промысла. Работоторговля несомненно ускорила продвижение португальцев еще дальше – к южным берегам западной Африки.

В 1445 году Диниш Диаш обогнул Зеленый мыс и исследовал часть побережья Гвинейского залива. В следующем году португальцы открыли Азорские острова. Несколькими годами позже венецианец Альвизе да Кадамосто, также состоявший на службе у Генриха Мореплавателя, открыл восточную группу островов Зеленого мыса (1456).

Продвижение португальцев вдоль западного берега Африки продолжалось и после смерти Генриха Мореплавателя. Португальский король Жуан II присоединил к своему титулу звание властителя Гвинеи. Еще не успели мореплаватели, открывшие Конго, освоиться с новым небом и с новыми звездами, как Диогу Кан в 1484–1486 годах обследовал западный берег Африки от экватора до тропика Козерога, чуть было не лишив Бартоломеу Диаша (Варфоломея Диаса) чести открытия южной оконечности континента. На обратном пути путешественник посетил властителя Конго в его столице и привез с собой в Лиссабон посланника королевства Конго Касуту с многочисленной свитой из африканцев.

Вскоре после возвращения Диогу Кана в августе 1487 года три каравеллы под командой Бартоломеу Диаша пустились вниз по реке Тежу (Тахо) в открытое море. Опытный моряк Жуан Инфанти командовал вторым кораблем. Капитаном третьего, грузового, судна был назначен Диогу Диаш, брат Бартоломеу.

О первой части этого достопамятного путешествия не сохранилось никаких подробностей. В гавани, которая была названа им Анградуш-Волташ, Диаш оставил грузовое судно – меньшую из своих каравелл – под охраной девяти матросов. Переждав в этой гавани дурную погоду, он направился отсюда дальше к югу. В течение тринадцати дней Диашу пришлось бороться со страшным штормом. Чем дальше он продвигался к югу, тем сильнее понижалась температура. Моряки уже считали себя погибшими.

Когда буря улеглась, Диаш направил свои корабли к востоку, надеясь достигнуть берега. Не видя в течение нескольких дней земли, он решил тогда повернуть к северу. Наконец на горизонте показались высокие горы, и 3 февраля 1488 года португальцы пристали к берегу, даже и не подозревая о том, что во время бури обогнули мыс, названный затем мысом Доброй Надежды. Берега бухты представляли собой зеленые луга, на которых пасся рогатый скот.

Увидев приближающиеся корабли, пастухи убежали в горы. Эта бухта была названа Байа-душ-Вакейруш (Пастушеская бухта).

Запасшись в Пастушеской бухте пресной водой, экспедиция Диаша направилась снова на восток и достигла бухты Сан-Браш (теперь Моссел), а оттуда, идя вдоль берега, достигла залива Алгоа и небольшого острова, который Диаш назвал островом Креста, так как на нем португальцы воздвигли большой каменный крест. Отсюда берег материка начал поворачивать к северо-востоку, и португальцы решили, что они находятся уже на пути в Индию. Обрадованный Диаш хотел идти дальше, но его спутники, утомленные трудностями пути и изнуренные голодом, запротестовали и заявили, что дальше они не пойдут. «К тому же, – говорили матросы, – раз земля тянется теперь к востоку, значит, мы прошли какой-то большой мыс, а потому лучше всего повернуть обратно и отыскать его».

Диаш собрал совет, и все подали голос за возвращение. Он вынужден был уступить, но с условием, чтобы еще трое суток продолжать плыть вперед и удостовериться, не повернет ли берег к северу. За такой короткий срок корабли Диаша не успели обогнуть всей южной оконечности Африки и дошли только до устья большой реки, которая была названа в честь капитана второй каравеллы Риу-ди-Инфанти. Оказавшись в преддверии Индийского океана, жестоко разочарованный Диаш вынужден был пуститься в обратный путь.

Наконец корабли подошли к тому «великому и знаменитому мысу, скрывавшемуся сотни лет», которому Диаш и его спутники присвоили название Торментозу («Бурный») в память об опасностях и трудностях, пережитых ими в то время, когда они впервые огибали его. Но Жуан II смотрел на вещи иначе и переименовал мыс Бурный в мыс Доброй Надежды. Для него дорога в Индию была теперь открыта, и его обширные планы расширения торговли и усиления могущества Португалии были близки к осуществлению.

Флотилия Диаша находилась в пути шестнадцать месяцев и семнадцать дней. Это было самое продолжительное из всех морских путешествий, предпринятых до того времени португальцами.

В действительности только в 1497 году, то есть через пять лет после открытия Америки, Васко да Гама обогнул южную оконечность Африки. Можно утверждать, что если бы Колумб не опередил Васко да Гаму, то открытие Нового света задержалось бы на длительное время.

И в самом деле, мореплаватели этой эпохи были весьма осторожны. Не зная протяженности морей, они не рисковали пускаться в открытый океан и предпочитали держаться в виду африканского берега. Если бы мыс Бурный удалось обогнуть раньше, то мореплаватели приехали бы ходить в Индию по этому пути и никто из них не подумал бы добираться до «Страны пряностей», то есть до Азии, через Атлантический океан. Кому бы тогда могло прийти в голову искать дорогу на восток, направляясь к западу?

Только в силу необходимости могла возникнуть подобная мысль. «Главной задачей морских путешествий португальцев в XV веке, – говорит Кули, – было изыскание пути в Индию через океан». Итак, мореплаватели XV века стремились только установить более легкое морское сообщение с берегами Азии. Действительно, сухопутная дорога в Индию, Китай и Японию, в страны, известные по чудесным рассказам Марко Поло, была длинна и опасна, так как проходила через Малую Азию, Персию и Монголию. Кроме того, сухопутные дороги не могли способствовать процветанию торговли; перевозка по ним была сопряжена с большими трудностями и обходилась очень дорого. Назрела необходимость найти более удобное средство сообщения.

Так как шарообразность Земли была уже доказана, то такое предположение имело все основания. Если отправиться через Атлантический океан на запад, то в конце концов корабль достигнет берегов Восточной Азии и Индии. Путь через океан не может не быть свободным!

И в самом деле, кто бы мог подумать о существовании преграды между Европой и Азией – препятствия, протяженностью в три тысячи двести пятьдесят лье? Кто бы мог подумать о существовании Америки?

К тому же следует заметить, что ученые средних веков считали, будто берега Азии удалены от Европы не более чем на две тысячи лье. Аристотелю земной шар казался намного меньше его действительных размеров. «Каково расстояние от крайних берегов Испании до Индии? – спрашивал Сенека и так на это отвечал: – Несколько дней пути при благоприятном ветре». Можно утверждать, что господствовавшее заблуждение о расстоянии между Европой и Азией имело и свою положительную сторону: оно побуждало мореплавателей того времени пускаться в неизведанные просторы Атлантического океана. Если бы было известно, что в действительности расстояние, отделяющее Европу от Азии, достигает пяти тысяч лье, то вряд ли кто-нибудь отважился бы пуститься в западные моря.

Заметим, что компас, изобретенный, по общему мнению, около 1302 года неким Флавио Джойа д'Амальфи, давал возможность морякам не только удаляться от берегов, но и совсем терять их из виду. Кроме того, немецкий космограф Мартин Бехайм и два ученых доктора, служивших у Генриха Мореплавателя, нашли способ ориентироваться по высоте солнца и применили астрольбию для нужд мореплавания.

Наступило время для проявления силы разума, которому предстояло разобраться во всем этом и установить истину. Так и случилось. Все разрозненные, отрывочные мысли и данные соединились в стройное целое в голове одного гениального человека, обладавшего редкой настойчивостью и смелостью.

Этим человеком был Христофор Колумб (по-испански – Кристоваль Колон), родившийся, вероятно, в 1436 году близ Генуи. Христофор Колумб родился в небогатой семье генуэзского шерстяника Доминико Колумба, или, по-итальянски, Коломбо. Христофор был старшим из трех сыновей Доминико. Биографы утверждают, хотя в точности это неизвестно, что он был отправлен отцом в университет в город Павию для обучения грамматике, латинскому языку, географии, астрономии и навигации. Если он и был в этом университете, то очень недолго, так как уже четырнадцати лет поступил на морскую службу. О жизни Колумба с этого времени до 1485 года сохранилось очень мало сведений.

Мы знаем лишь, что он участвовал в нескольких торговых плаваниях и приобрел славу искусного морехода. Колумб принимал участие в нескольких португальских путешествиях вдоль берегов Африки, бывал по торговым делам в Гвинее, закупал на Мадейре сахарный тростник для генуэзского торгового дома, совершал поездки на север – в Англию и Ирландию и успел к сорока годам «объехать все, что объезжали до него».

Приблизительно в 1476 году Колумб поселился в португальской столице Лиссабоне, которая была в то время главным центром мореходной науки и привлекала к себе отважных мореплавателей и ученых-географов. Живя в Лиссабоне, Христофор Колумб около 1479 года женился на Филипе Муньиш ди Перестреллу, дочери португальского дворянина, правителя острова Порту-Санту, расположенного в 50 километрах к северо-востоку от Мадейры. В 1480 году от этого брака родился старший сын Колумба, Диего, впоследствии унаследовавший титул главного адмирала и вице-короля Индии.

Некоторое время Христофор Колумб провел со своей женой на этом острове, прилежно изучая оставшиеся после ее отца географические карты и заметки о путешествиях. Предполагают, что именно в этот период жизни Колумба у него зародилась великая мысль об открытии западного пути в Индию.

Вернувшись затем с семьей в Лиссабон, Колумб занимался изданием глобусов, географических и навигационных карт, продолжая в то же время пополнять пробелы в своем образовании. Колумб читал по крайней мере на четырех языках (итальянском, португальском, испанском и латинском).

Задумав открыть западный путь в Индию, Колумб, как рассказывают его биографы-современники, вступил в переписку с известными учеными – Мартином Бехаймом, о котором мы уже упоминали, и с итальянским географом, математиком и астрономом Паоло Тосканелли.

По преданию, этот ученый поддержал идею Колумба и прислал ему копию своего письма к лиссабонскому вельможе Мартиншу, который обращался к Тосканелли за советом по поручению португальского короля Афонсу V.

Однако письмо Тосканелли само по себе не привело ни к какому результату, так как Афонсу V был занят войною с Испанией и оставил без ответа предложение итальянского ученого по поддержке идеи Колумба. Преемник Афонсу, Жуан II, создал «Совет математиков» для рассмотрения проектов заморских экспедиций. Новый португальский король заинтересовался планом Колумба, предложившего снарядить три каравеллы, которые должны были, следуя западным путем, достичь «великого острова Сипанго (или «Чипангу») и царства великого хана». Но «Совет математиков» почему-то отклонил предложение генуэзского морехода, а король Жуан II, воспользовавшись проектами Тосканелли и Колумба, снарядил без участия последнего экспедицию в Китай через Атлантический океан. По-видимому, люди, на которых было возложено это предприятие, не обладали достаточным опытом. Уже через несколько дней поднявшийся в море шторм заставил португальских моряков вернуться обратно в Лиссабон. Христофор Колумб, оскорбленный вероломством португальского короля, решил покинуть его страну. Одновременно на Колумба обрушилось и другое несчастье: в конце 1484 года умерла его жена, и он остался один с малолетним сыном Диего.

В 1485 году мы находим Колумба в Испании. В это время он не обладал никакими средствами и вынужден был совершать длинные путешествия пешком, неся на руках своего маленького сына.

Добравшись до Андалузии, Христофор Колумб попытался найти приют в окрестностях городка Палоса, где внимание путника привлек старинный францисканский монастырь св. Марии де Рабида. Голодный, утомленный, Колумб попросил у монастырского привратника разрешения остановиться на ночлег.

Дождаясь благоприятного момента, Колумб в течение нескольких месяцев, до весны 1486 года, прожил в монастыре Рабида. Затем с рекомендательным письмом настоятеля к влиятельному лицу, духовнику короля Фердинанда и его супруги королевы Изабеллы, он отправился в Кордову, куда должны были вскоре прибыть король и королева. В Кордове ему удалось приобрести друзей и покровителей, которые представили его богатейшему гранду², герцогу Энрике Гусману.

Заинтересовавшись дерзким планом Колумба, герцог, однако, не успел оказать ему помощь, так как неожиданно очутился в опале и вынужден был бежать из Кастилии. Наконец, другой кастильский гранд, герцог Мединасели, добился для Колумба аудиенции у Фердинанда и Изабеллы.

Христофору Колумбу казалось, что цель его теперь близка. Фердинанд и Изабелла отнеслись благосклонно к его проекту и поручили высказать свое мнение специальной комиссии из ученых, прелатов и монахов в коллегии св. Стефана, в Саламанкском университете.

Но радость Колумба была преждевременна. Вся комиссия восстала против его проекта. Да и как было не восстать? Его идеи близко соприкасались с религиозными вопросами, к которым в XV веке относились особенно ревностно. Хотя шарообразность Земли была уже доказана, но отцы церкви все еще не желали признавать этого открытия. Сама идея кругосветного путешествия рассматривалась ими как нечто противоречащее текстам священного писания.

² Гранд – титул испанского вельможи.

Итак, Христофора Колумба едва не обвинили в ереси – в самом тяжелом и непростительном по законам XV века преступлении. Правда, он сумел кое-как оправдаться от возведенного на него комиссией обвинения, но окончательное решение по его проекту было отложено на неопределенное время.

Собравшись ехать во Францию, Колумб в 1491 году снова появился в монастыре Рабида, чтобы забрать своего сына Диего, который воспитывался там уже больше шести лет. Настоятель монастыря Хуан Перес, по-прежнему сочувствовавший идеям Колумба, познакомил его с богатым палосским судовладельцем Мартином Алонсо Пинсоном и с другими влиятельными лицами, которые помогли ему еще раз получить аудиенцию у короля и королевы. Нашлись также богатые люди, согласившиеся ссудить казне деньги на эту экспедицию. Последнее обстоятельство побудило Фердинанда и Изабеллу утвердить столь необычный проект и – после долгих обсуждений и колебаний – принять все условия, выдвинутые Колумбом.

Итак, только через семнадцать лет после зарождения великой идеи и спустя семь лет после прибытия в монастырь Рабида Колумб 17 апреля 1492 года подписал в военном городке Санта-Фе договор с королем и королевой Испании.

По торжественному договору «дон Кристоваль Колон» назначался главным адмиралом всех островов и материков, которые ему удастся «открыть или приобрести». Этот титул «со всеми привилегиями и прерогативами» должен был переходить его наследникам – из рода в род, на вечные времена. Христофор Колумб удерживал за собою звание вице-короля и губернатора всех новых владений, которые он завоюет в богатой Азии. Десятая часть жемчуга, драгоценных камней, золота, серебра, пряностей и всяких других вещей и товаров, «купленных, обмененных, найденных или приобретенных» во вновь открытых странах, должна была поступать в собственность Колумба, а девять десятых всей добычи – в собственность короля и королевы.

Все мытарства были окончены, и Христофор Колумб мог теперь приступить к исполнению своих замыслов. Но, повторяем, он вовсе и не замыслил открывать Новый Свет, о существовании которого даже не догадывался. Он хотел лишь «попасть на Восток через Запад, проехать западным путем в землю, где растут пряности». Можно утверждать, что Колумб до конца дней своих был уверен, будто он достиг берегов Азии, и даже не подозревал того, что на самом деле открыл Америку. Однако это нисколько не умаляет его славы и величия его подвига.

Таким образом, открытие Нового Света оказалось делом случая. Но отвага, с которой гений пренебрег опасностями неизвестного пути; бесстрашное плавание вдали от берегов, которых боязливо держались все его предшественники; уверенное продвижение по океану на хрупких суденышках, готовых стать добычей первой бури; отважное стремление вперед по безграничным просторам новых морей – все это обеспечивает за Колумбом бессмертную славу.

Христофор Колумб стал готовиться к отплытию. В его распоряжение были предоставлены два корабля. Вступив в соглашение с богатыми судовладельцами Палоса – тремя братьями Пинсон, он получил от них необходимые средства для снаряжения третьего судна.

Экипаж, как утверждают историки, был принудительно набран из каторжников и уголовных преступников, отбывавших наказание в Палосе, так как обыкновенные матросы не соглашались принять участие в этой опасной экспедиции.

Капитаном первой каравеллы «Санта-Мария», водоизмещением около 100 тонн, был сам Колумб. Это было, по его словам, «плохое судно, непригодное для открытий».

Капитаном второй, меньшей каравеллы «Пинта» был старший из трех братьев-судовладельцев – Мартин Алонсо Пинсон.

Самый маленький корабль – «Нинья» («Детка»), водоизмещением в 40 тонн, был поставлен под управление Висенте Пинсона.

Экипаж всей флотилии состоял приблизительно из 90 человек.

Рано утром 3 августа 1492 года три каравеллы Колумба снялись с якоря и, оставив позади отмель Сальтес, лежащую в виду города Уэльва в Андалузии, пустились в неведомую даль по волнам Атлантического океана.

II

Первое путешествие Колумба на запад. – Гран-Канария. – Остров Гомера. – Отклонение магнитной стрелки. – Бунт на кораблях Колумба. – «Земля! Земля!». – Сан-Сальвадор (Гуанахани). – Взятие острова во владение. – Санта-Мария-де-Консепсьон (Рам). – Фернандина (Лонг-Айленд). – Изабелла (Крукед-Айленд). – Остров Хуана (Куба). – Описание острова. – Эспаньола (Гаити). – Остров Тортуга. – Касик в гостях у Колумба. – «Санта-Мария» терпит крушение. – Остров Монте-Кристи. – Форт Навидад. – Возвращение. – Четырехдневная буря. – Прибытие в Испанию. – Прием, оказанный Колумбу.

Выйдя в океан, адмирал – так называют Колумба во всех старинных источниках – направил свою флотилию на юго-запад, к Канарским островам, откуда он собирался повернуть прямо на запад. На четвертый день плавания случилось несчастье: на каравелле «Пинта» сломался руль. По-видимому, это было сделано умышленно матросами, чтобы возвратиться обратно в Палос. Но Колумб приказал пристать к острову Гран-Канария и заняться ремонтом поврежденного корабля. Только на девятнадцатый день после отплытия (2 сентября) флотилия, покинув Гран-Канарию, прибыла на остров Гомера, где Колумб запасся водой, дровами и съестными припасами.

13 сентября, вечером, когда флотилия находилась почти в двухстах милях к западу от острова Иерро, адмирал заметил, что магнитная стрелка компаса вместо того, чтобы показывать на север, отклонилась на северо-запад.

Таким образом, Колумбу принадлежит важное географическое открытие отклонения магнитной стрелки, которое он учитывал в дальнейшем при своих расчетах.

7 октября экипаж флотилии был взволнован выстрелом бомбарды, раздавшимся с «Ниньи», которая шла впереди. Этот условный сигнал должен был, по распоряжению Колумба, оповестить флотилию, как только будет замечена земля. Братьям Пинсон, находившимся на борту «Ниньи», показалось, что они видят землю. Однако вскоре обнаружилось, что это была очередная ошибка. Так как Пинсоны утверждали, что видели попугаев, летящих к юго-западу, адмирал согласился слегка изменить направление. Это отклонение от курса было сделано очень кстати: если бы флотилия продолжала плыть прямо на запад, она могла бы наскокить на острые рифы Багамских островов и потерпеть крушение.

Корабли плыли по новому направлению три дня, но земля, так долго и страстно ожидаемая земля, упорно не показывалась! Каждый вечер солнце скрывалось все за той же равнодушной линией океана. Экипаж то и дело становился жертвой оптического обмана. Матросы роптали, выражая недовольство Колумбом, «этим упрямым генуэзцем», который завлек их на край света. Признаки возмущения стали повторяться все чаще и чаще, и, наконец, 10 октября люди заявили, что дальше они не двинутся.

Положение Колумба становилось все более затруднительным. Его уверения о близости земли, его посулы и угрозы почти уже не действовали на матросов. На счастье Колумба, 11 октября матросы с каравеллы «Пинта» выловили в море свежесломленную ветку и небольшую палку, обработанную руками человека. Почти в то же время люди с корабля «Нинья» заметили ветку шиповника, усеянную свежими ягодами. Все воодушевились и обрадовались, видя эти признаки, служившие очевидным доказательством близости земли.

Наступившая ночь покрыла море мраком.

Так корабли продолжали плыть до двух часов утра. Никто не смыкал глаз. Вдруг с «Пинты» раздался голос матроса Родриго де Триана – Земля! Земля! И почти одновременно выстрелила бомбарда.

Через несколько минут очертания берега стали вырисовываться в предутренней мгле. Паруса на каравеллах тотчас же были убраны, и корабли легли в дрейф в ожидании утра.

Можно себе представить, что должен был почувствовать в эту минуту Колумб! Наконец-то, после долгих лет мытарств он сумел доказать свою правоту и раскрыть великую тайну океана!

Колумб впервые увидел берег Нового Света утром 12 октября 1492 года. Вместе с первыми лучами солнца в двух милях от кораблей открылся низменный остров, относящийся к Багамскому архипелагу. Колумб тотчас же присвоил этому острову христианское название Сан-Сальвадор («Святой спаситель»).

Вскоре на берегу появилось несколько голых людей, пристально рассматривавших корабли. Христофор Колумб сел в шлюпку вместе с обоими капитанами, королевским инспектором Родриго Санчесом де Сеговия, нотариусом флотилии Родриго де Эсковеда и другими должностными лицами. Адмирал сошел на берег в алой одежде поверх лат, с развернутым королевским знаменем. Оба капитана несли знамена с зеленым крестом, вокруг которого переплетались буквы «Т» и «І» – инициалы Фердинанда и Изабеллы. Именем короля Леона и королевы Кастилии адмирал торжественно вступил во владение островом Сан-Сальвадор.

Во время этой церемонии туземцы окружили Колумба и его спутников. Вот как описывает сам Колумб в своем дневнике эту сцену первого знакомства с жителями: «Поскольку они держали себя дружелюбно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратиться к ним в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малоценных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев, и хлопковую пряжу в мотках, и дротики, и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки. С большой охотой отдавали они все, чем владели».

На следующее утро, 13 октября, туземцы толпою окружили каравеллы. Они приплыли на своих больших челноках, выдолбленных из цельного ствола дерева и вмещавших до сорока пяти человек. Они ловко управляли этими лодками с помощью весла, похожего на широкую лопату, и передвигались с большой быстротой. Многие островитяне были украшены золотыми пластинками и золотыми кольцами, продетыми через отверстие в носу. Казалось, они были взволнованы прибытием чужеземцев, корабли которых свалились к ним точно с неба. Они подходили к испанцам, дотрагивались с большим удивлением до их одежды, принимая ее за какое-то непонятное для них природное оперение. Особенно их привлекло алое платье Колумба. По-видимому, они приняли его вначале за какого-то попугая высшей породы. Впрочем, вскоре туземцы сообразили, что этот человек – самый главный среди всех прибывших чужеземцев.

На рассвете следующего дня Колумб с некоторыми своими спутниками отправился осматривать остров Сан-Сальвадор. Так как испанцы видели у многих дикарей золотые украшения, они заключили, что на Сан-Сальвадоре имеются золотоносные руды. Колумб стал расспрашивать одного из туземцев, откуда они берут эти вещи, и туземец знаками объяснил, что, обогнув остров и плывя к югу, он попадет в страну, где золото встречается в изобилии.

На следующее утро Колумб приказал сняться с якоря и плыть в указанном туземцем направлении, в богатую золотом страну, которая, по его мнению, была не чем иным, как островом Сипанго (Япония).

Это заблуждение Колумба как нельзя лучше характеризует географические знания того времени. Великий мореплаватель несколько не сомневался, что открытые им земли принад-

лежат к азиатскому континенту. Сипанго, или Чипангу, – как мы знаем, – название Японии в «Книге Марко Поло». Ошибку Колумба разделяли с ним все его спутники. Даже после четырехкратного путешествия на острова, лежащие по ту сторону Атлантического океана, Колумб не подозревал, что открыл новую часть света.

Экипаж Колумба, да и сам адмирал были вполне уверены, что в ночь на 12 октября 1492 года они достигли берегов Японии, либо Китая, либо Индии. Этим объясняется, почему Америка долгое время носила название Западной Индии и почему коренное население этого материка до сих пор известно в Южной и Северной Америке под общим именем «индейцев».

Итак, Христофор Колумб решил достигнуть богатых берегов Японии. Но сначала он направился вдоль берегов Сан-Сальвадора, чтобы исследовать его западную сторону. Колумб несколько раз высаживался в разных местах берега и везде встречал самый дружественный прием. «Я видел два или три селения, а также людей, – пишет он в своем дневнике, – которые выходили на берег, взывая к нам и вознося хвалу богу. Одни приносили нам воду, другие пищу, иные же, заметив, что я не собираюсь выйти на берег, бросались в море и добирались до нас вплавь; и мы поняли, что они спрашивают, не явились ли мы с неба».

Не считаясь с этими проявлениями дружеских чувств, Колумб приказал захватить несколько индейцев, чтобы обучить их испанскому языку и отправить ко двору Фердинанда и Изабеллы. Кроме того, Колумб надеялся с помощью пленников найти вожака страны, где «родится золото».

Обогнув Сан-Сальвадор, испанцы убедились, что они открыли не одинокий остров, а целый архипелаг, простирающийся далеко на юго-запад. Колумб увидел столько островов, что не мог решить, к какому из них пристать раньше. Самый большой остров был виден на расстоянии 5 лиг от Сан-Сальвадора.

15 октября, при заходе солнца, флотилия бросила якорь у западной оконечности этого острова, которому было присвоено название Санта-Мария-де-Консепсьон (теперь Рам). Отсюда Колумб направился дальше и пристал к третьему острову, названному им в честь испанского короля Фернандиной (нынешний Лонг-Айленд).

Однако на острове Фернандина испанцы не обнаружили тех богатств, которых они так жадно искали. Никаких золотых рудников здесь не оказалось. Туземцы, взятые на борт, говорили о каком-то острове Самоат, где жители якобы добывают много золота.

Колумб поплыл в указанном направлении, и в ночь на 19 октября флотилия пристала к большому острову. Это и был Самоат, который Колумб в честь испанской королевы переименовал в остров Изабеллу (на современных картах он известен как Крукед-Айленд).

Мысль о достижении Японии ни на минуту не покидала Колумба. Так как туземцы говорили о существовании на западе большого острова, который они называли Куба, то адмирал предположил, что этот остров составляет часть королевства Сипанго, и твердо решил дойти до города Кинся, чтобы вручить великому хану письма от Фердинанда и Изабеллы.

При первом попутном ветре флот Колумба снялся с якоря и снова поплыл на запад. В четверг, 25 октября, корабли прошли мимо группы из шести или восьми островов, вытянутых по одной линии с севера на юг, а в воскресенье Колумб увидел берега острова Кубы. Корабли бросили якорь возле устья большой реки, которой испанцы присвоили название Сан-Сальвадор. Колумб был поражен обширностью и красотой этого острова. На берегах росли бесчисленные пальмы с такими большими листьями, что достаточно было одного из них, чтобы покрыть хижину туземца. Высокая горная гряда, пересекающая остров, показалась Колумбу такой же красивой, как горы Сицилии. Колумб торжественно присоединил этот остров к владениям испанской королевы и назвал его островом Хуана в честь наследного принца.

Колумб не сомневался, что теперь он достиг искомого материка Азии и находится всего в нескольких десятках миль от Кинся. Он так был в этом уверен, что стал снаряжать посольство к великому хану. В качестве посла он назначил дворянина Родриго де Хереса, которого

должен был сопровождать испанский еврей Луис де Торрес, владевший еврейским, арабским и халдейским языками.

Оставшись ждать возвращения посольства, Колумб занялся исследованием побережья Кубы. 6 ноября, после четырехдневного отсутствия, возвратились посланники Колумба. Они рассказали, что, пройдя двенадцать лиг, встретили селение, состоящее из пятидесяти домов, таких же точно, как и хижины на берегу. В селении было не менее тысячи жителей. Туземцы приняли испанцев с большим почетом и, считая их, по-видимому, какими-то сверхъестественными существами, целовали им руки и ноги.

Особенно испанцы были удивлены обычаем местных жителей зажигать какие-то листья, свернутые в трубочку, и вдыхать от них дым. Таким образом испанцы впервые столкнулись с употреблением табака, а затем переняли этот обычай, и курение табака распространилось по всей Европе.

Заблуждение Колумба привело его к ошибке, которая изменила весь ход его открытий. Думая, что он находится на берегу Азии, Колумб, естественно, считал Кубу частью континента. Потому ему и не пришло в голову объехать обширный остров. Вместо этого он решил вернуться на восток. Если бы Колумб продолжал придерживаться первоначального направления, то он непременно пристал бы либо к Флориде в Северной Америке, либо к берегам Мексики. И тогда, вместо невежественных полудиких туземцев, он встретил бы ацтеков, жителей великого королевства Монтесумы, нашел бы прекрасные города, организованную армию, огромные богатства, и роль Эрнандо Кортеса стала бы тогда, без сомнения, его ролью. Но этому не суждено было случиться. Упорствуя в своем заблуждении, Колумб, снявшись с якоря 12 ноября 1492 года, повернул к востоку.

Больше всего Колумба привлекало золото. Узнав от туземцев, что недалеко, на юго-востоке, лежит остров, который они называли «Банеке», где «собирают золото прямо по побережью, в ночное время при свечах», он и направился на поиски этого неведомого острова. Встречный ветер заставлял Колумба лавировать вдоль берегов Кубы. Вскоре он заметил новый архипелаг, поросший строевым лесом и окаймленный горными вершинами, сверкавшими, словно кристаллы на солнце. На многочисленных островах по ночам блестели огоньки рыбаков. Неоднократно испанцы высаживались на различных островах и водружали на их берегах кресты в знак взятия этих земель во владение.

Между тем капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон на своем ходком корабле обогнал флотилию и 21 ноября, на рассвете, вовсе скрылся из виду. Колумб заподозрил его в измене, предположив, что Пинсон решил первым достигнуть острова Банеке, чтобы добыть для себя побольше золота. Этот поступок Пинсона сильно огорчил Колумба. В его дневнике мы находим следующие слова: «Он доставил мне также много иных забот и хлопот».

После бегства «Пинты» Колумб медленно продвигался в восточном направлении, пока не достиг восточной оконечности Кубы. Противный ветер заставил его отклониться от наменного курса на остров Банеке. Вместо этого 5 декабря ему довелось открыть большой остров, который туземцы называли «Бохио». Это был соседний с Кубой остров Гаити.

На следующий день каравеллы прошли мимо множества мысов и мимо одного острова, названного Колумбом островом Тортуга (Черепаша). Остров, вдоль которого продвигались испанцы, оказался гористым, благодаря чему и был впоследствии назван Гаити (Возвышенный). Пение птиц, напоминавшее трели испанских соловьев, горы, похожие на испанские сьерры, живописные долины, дубовые рощи – все это вызывало у Колумба воспоминания о видах Кастилии, почему он и назвал этот остров Эспаньолой.

15 декабря Колумб отправился дальше к острову Банеке, но ветер отнес его к ранее открытому острову Тортуга. Протекавшая там судоходная река так понравилась Колумбу, что он назвал ее Гвадалквивиром, а долину, в которой она протекает, – Райской. На другой день, крейсируя посреди залива, Колумб заметил в море одного индейца на утлом челне, удиви-

тельно устойчивом даже при свирепствовавшем в то время ветре. Взятый на борт вместе с челноком, индеец получил обычные в таких случаях подарки, а затем был высажен возле его селения, расположенного у самого моря. Индеец показал своим односельчанам полученные подарки «и сообщил, что испанцы – хорошие люди».

После этого на берег вышли все жители селения вместе с вождем, красивым двадцатилетним юношей, которому по приказанию Колумба были оказаны почести, как настоящему королю.

Туземный вождь был так же наг, как и его подданные, мужчины и женщины, относившиеся к нему с большим уважением, но без всяких признаков подострастия.

На следующий день другой вождь, которого индейцы называли «каси́ком», явился к Колумбу на корабль в сопровождении многочисленной свиты и присутствовал на торжественном обеде по случаю церковного праздника – дня св. Марии. Каравеллы были украшены флагами. После нескольких залпов из бомбард касика пригласили к столу адмирала. Отведывая кастильские кушанья и напитки, он отсылал блюда и кубки своим людям. У касика было доброе лицо, и держался он, по словам Колумба, с поразительным достоинством. По окончании обеда он предложил адмиралу несколько тоненьких пластинок золота, получив от него взамен янтарные четки, красные башмаки и флакон с благовонной водой. Кроме того, Колумб подарил касику кастильскую монету с изображением Фердинанда и Изабеллы, стараясь при этом внушить туземцам, что «нет на всем свете более великих государей».

25 декабря, в первый день рождества, произошло несчастье с адмиральским судном. Младший матрос, подменивший на короткое время опытного рулевого, не заметил, как корабль, увлекаемый течением, очутился возле отмели. В полночь «Санта-Мария» наскочила на скалу и получила пробоину в корме. Колумб, разбуженный толчком, выбежал на палубу. Он принял меры для спасения судна, но лоцман и несколько матросов с перепуга бросились в шлюпку и стали грести к «Нинье», которая лавировала на расстоянии полулиги от «Санта-Марии». Между тем начинался отлив и «Санта-Мария» все глубже врезалась в мель. Пришлось срубить мачты, чтобы облегчить корабль, а когда вода залила трюм, оставшийся экипаж должен был перейти на другой корабль.

Касик Гуаканагари, узнав о несчастье белых людей, заплакал от огорчения и послал на помощь Колумбу всех жителей своего селения с пирогами для разгрузки корабля. Благодаря его участию все корабельное имущество было спасено и заботливо перевезено на берег. Всю ночь у склада дежурили вооруженные индейцы, а наутро Гуаканагари отправился на борт «Ниньи», чтобы утешить адмирала, и предложил ему все свои богатства.

Колумб, успокоенный такой дружбой и преданностью индейцев, решил основать в этой части острова небольшой форт и оставить в нем некоторых своих спутников, так как все матросы с «Санта-Марии» не могли бы поместиться на «Нинье».

Желая укрепить в индейцах веру в могущество белых, Колумб приказал выстрелить в дерево из бомбарды. Грохот выстрела и особенно расщепленный ствол произвели на индейцев огромное впечатление; все они, как один, упали на землю, а касик дрожал, боясь пошевелиться. Но Колумб объяснил ему, что он не будет стрелять в индейцев, так как считает их своими братьями. Тогда касик попросил Колумба защитить этим страшным оружием его соплеменников от людоедов-карибов, которые часто совершают набеги на близлежащие острова и увозят к себе индейцев. Колумб обещал касику свое покровительство.

Распорядившись приступить к строительству форта, он решил возвратиться поскорее в Испанию, так как у него оставался теперь только один корабль. Если бы и с ним случилась авария, то Колумб оказался бы навсегда отрезанным от Европы и все его труды пропали бы даром. Через несколько дней после гибели «Санта-Марии» Колумб получил неожиданное утешение. К месту его стоянки подошла лодка с индейцами, которые привезли с собой несколько золотых

плиток и попросили обменять их на погремушки. Касик Гуаканагари, увидев, как обрадовался Колумб, приказал своим подданным доставлять ему ежедневно разные изделия из золота.

3 января 1493 года, закончив приготовления к отъезду, Колумб решил отправиться в обратный путь. Форт уже возвышался над берегом, и на крепостных стенах были установлены бомбарды, снятые с каравеллы «Санта-Мария». Этот форт получил название Навидад (Рождество) в память о кораблекрушении 25 декабря. Теперь Колумб считал, что это несчастье имело и свою положительную сторону, ибо, не будь его, он не узнал бы, что на Эспаньоле имеется золото.

Колумб оставил в форте Навидад тридцать девять добровольцев, назначив своими заместителями Диего де Арану, Перо Гумьереса и Родриго Эсковеду. «Среди прочих людей, что остались на острове, были корабельный плотник, конопатчик, хороший пушкарь, знающий толк в фортификации, бондарь, портной, лекарь». Оставшиеся в Навидаде испанцы были обеспечены припасами на целый год.

Поручив гарнизону форта во что бы то ни стало отыскать золотые россыпи и выбрать место, подходящее для постройки города, Колумб, простившись с касиком и с первыми поселенцами, 3 января снялся с якоря и отчалил от гавани на каравелле «Нинья».

На другой день Колумб открыл небольшую бухту, рядом с которой находилась высокая гора. Это место, удобное для стоянки, он назвал Монте-Кристи (гора Христа). 6 января один из матросов увидел с верхушки мачты каравеллу «Пинта». Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон вскоре поравнялся с «Ниньей» и, явившись к Колумбу, стал оправдывать перед ним свое поведение; он утверждал, что его отлучка была вынужденной, что он якобы не мог поступить иначе. На самом же деле Пинсон, как и предполагал Колумб, решил первым достигнуть легендарного острова Банеке и захватить золотые россыпи. Так как экипаж «Пинты» был на стороне своего капитана, а «Ниньей» командовал его брат Висенте Пинсон, Колумбу не оставалось ничего другого, как притвориться, будто его удовлетворяют лживые объяснения Пинсона, и отложить расправу с ним до более подходящего случая.

7 января пришлось сделать остановку, чтобы закрыть течь на каравелле «Нинья». Воспользовавшись остановкой, Колумб решил исследовать широкую реку, протекавшую на Монте-Кристи. В реке были найдены золотые песчинки, и Колумб назвал ее «Золотой рекой». Колумбу хотелось продолжить исследование побережья Эспаньолы и прилегающих островов, но матросы, подстрекаемые братьями Пинсон, открыто высказывали свое недовольство и требовали скорейшего возвращения в Испанию.

9 января корабли снова снялись с якоря, продолжая следовать вдоль восточных берегов Эспаньолы. Но затем флотилия, задержанная безветрием, бросила якорь в удобной бухте, и здесь произошла стычка испанцев с туземцами, не проявившими на сей раз добрых намерений. 13 января испанские матросы пустили в ход оружие. Потеряв несколько человек, туземцы обратились в бегство. Так впервые европейцами была пролита кровь беззащитных индейцев.

Отношения Колумба с экипажем ухудшались с каждым днем. Раздраженные и утомленные матросы все чаще позволяли себе враждебные выпады против адмирала. В дневнике Колумба постоянно встречаются горькие жалобы на непослушание подчиненных «без всякой видимой причины».

Наконец, 16 января скрылся из виду последний мыс Эспаньолы, и обе каравеллы направились на восток. Подгоняемые попутным ветром, они вышли в открытый океан и быстро продвигались в нужном направлении. День тянулся за днем без всяких происшествий. Но 12 февраля, когда Колумб уже надеялся скоро увидеть берега Испании, поднялась сильная буря и море начало так волноваться, что, по словам адмирала, не будь «Нинья» такой прочной и столь хорошо приспособленной для плавания, он серьезно опасался бы за ее судьбу. Ветер угнал «Пинту» далеко на север, и она снова скрылась из виду.

15 февраля поутру буря стала утихать. К вечеру на горизонте была замечена земля, которая оказалась одним из островов Азорской группы. Радость Колумба и его спутников, снова увидевших землю Старого Света, была беспредельной, но прошло еще три дня, прежде чем им удалось пристать к острову Санта-Мария, самому южному в Азорском архипелаге.

На пути от Азорских островов каравеллу снова застигла буря, и только 4 марта измученные мореплаватели увидели перед собой какую-то землю. Оказалось, что ветер пригнал «Нинью» к португальским берегам, к устью реки Тежу (Тахо), близ Лиссабона. «В час заутрени адмирал пришел к городу Растело на берегу лиссабонской реки, и там местные моряки сказали ему, что никогда еще не было в зимнюю пору таких бурь и что погибло 25 кораблей, шедших из Фландрии, и много других кораблей уже четыре месяца не могут выйти в море».

Знаменитый португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш поднялся вместе с вооруженными людьми на борт «Ниньи» и приказал Колумбу отправиться с отчетом на его корабль. Но когда Диаш узнал, кто такой Колумб, он доложил о его замечательном плавании властям, и в Растело стали съезжаться из Лиссабона толпы любопытных, чтобы посмотреть на Колумба и привезенных им индейцев. Затем Колумб был торжественно принят королем Португалии, который пытался внушить ему, что по договору 1479 года, заключенному с кастильской короной, открытые за океаном земли должны войти в состав португальских владений. Хотя приближенные советовали королю не выпускать Колумба из Португалии, он все же его отпустил.

В полдень 15 марта каравелла «Нинья» вошла в гавань Палоса, пробыв в плавании семь месяцев и двенадцать дней. Через несколько часов в Палос прибыла и вторая каравелла – «Пинта», – отнесенная ветром к берегам северной Испании. Капитан «Пинты» Мартин Алонсо Пинсон в пути тяжело заболел и умер через несколько дней после возвращения на родину.

Все жители Палоса вышли на набережную приветствовать Колумба, которого считали уже погибшим. Узнав о том, что королевский двор находится в Барселоне, Колумб отправился туда, захватив с собой шестерых индейцев, привезенных из Эспаньолы. Путь Колумба из Палоса в Барселону превратился в настоящее триумфальное шествие. При дворе ему был оказан великолепный прием. Колумб рассказал Фердинанду и Изабелле о своем путешествии и сделанных открытиях, показал индейцев, образцы привезенного золота, невиданные заморские растения и перья диковинных птиц. В тот же день Колумбу было присвоено дворянское звание и дарован герб с изображением феодального замка, группы островов, пяти якорей и увенчанного короной льва. На гербе были начертаны следующие слова:

Для Кастильи и Леона
Новый мир открыл Колумб.

Не желая довольствоваться достигнутым, деятельный адмирал сразу же заявил королю и королеве, что, как только ему будет дана возможность, он отправится в новое заокеанское плавание.

III

Второе путешествие Колумба. – Остров Иерро. – Остров Доминика. – Остров Мария-Галанте (Мари-Галант). – Гвадалупе. – Встреча с каннибалами. – Острова Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин и Санта-Крус. – Архипелаг Одинадцати тысяч Дев (Виргинские острова.). – Остров Сан-Хуан-Баутиста (Пуэрто-Рико). – Эспаньола. – Гибель первых поселенцев. – Основание города Изабеллы. – Форт св. Фомы. – Ямайка. – Берега Кубы. – Возвращение в Изабеллу. – Восстания на Эспаньоле. – Отъезд Колумба в Испанию.

Рассказы о приключениях геновского мореплавателя взбудоражили всю Европу. Воображению рисовались золотые россыпи и сказочно богатые земли по ту сторону океана. Без особого труда были найдены и необходимые средства для подготовки новой экспедиции, и люди, готовые следовать за ним хоть на край света. Что касается Фердинанда и Изабеллы, то у них были особые причины торопиться с отправлением флотилии.

Как только Колумб покинул Лиссабон, португальский король Жуан II созвал государственный совет, на котором было решено снарядить эскадру для преследования испанских кораблей, направляющихся в новые страны. Португальцы считали, что Испания нарушила предоставленное им римским папой исключительное право владеть землями, открытыми к югу и востоку – от мыса Бохадор до Индии. Отношения между двумя странами обострились.

Фердинанд и Изабелла, желая предотвратить военные действия, обратились за разрешением спорного вопроса к папе римскому, опираясь при этом на право первого открытия.

4 мая 1493 года римский папа Александр VI Борджиа издал буллу, согласно которой все области, острова и материка на запад от меридиана, проходящего на расстоянии ста лиг от Азорских островов или островов Зеленого мыса, должны были принадлежать Кастилии, а земли на восток от этой линии – стать собственностью Португалии.

Таким образом папская булла разделила весь земной шар на две половины. Одна половина была отдана Испании, а другая – Португалии. Не очень-то доверяя державе-сопернице, Фердинанд и Изабелла спешили закончить подготовку экспедиции, чтобы закрепить за собой и расширить новые заокеанские владения.

В распоряжение Колумба была предоставлена флотилия, состоявшая из трех больших галеонов и четырнадцати каравелл. Кроме экипажа и должностных лиц, с Колумбом отправлялись за океан сотни идалго – безземельных дворян, оставшихся не у дел после падения Гренады, и десятки священников и монахов – для обращения индейцев в христианскую веру. Всего в экспедиции участвовало свыше полутора тысяч человек. Колумб взял с собой все необходимое для организации испанской колонии на Эспаньоле. На корабли были погружены скот, семена хлебных злаков и овощей, разные сорта виноградной лозы, всевозможные орудия, вооружение, боевые припасы и т. п. Из десяти привезенных в Европу индейцев пятеро возвращались на родину. Они уже успели настолько освоить испанский язык, что могли служить переводчиками.

25 сентября 1493 года семнадцать кораблей подняли паруса и вышли из гавани Кадиса, провожаемые приветственными криками многочисленной толпы. 1 октября показались Канарские острова. На острове Гомера запаслись водой, дровами и свежей провизией для всей флотилии. Здесь же были приняты на борт огромные собаки, специально дрессированные для охоты на людей. 6 октября скрылся из виду самый западный среди Канарских островов – Иерро, и после двадцатидневного плавания при благоприятном ветре и хорошей погоде Христофор Колумб опять увидел новые земли.

3 ноября, в воскресенье, при восходе солнца, кормчий флагманского судна «Санта-Мария-Галанте» радостно закричал:

– Добрые вести! Земля!

Это был гористый остров с пышной тропической растительностью. Адмирал прошел мимо него и прилегающих небольших островков и скоро увидел на горизонте другой большой остров. Первому острову он дал название Доминика (то есть Воскресенье), второму – Мария-Галанте (теперь Мари-Галант). Эти названия удержались до наших дней. Затем был открыт третий большой остров, названный Гвадалупе (Гваделупа), в честь одного из испанских монастырей.

Испанцы увидели на берегу поселок из тридцати круглых деревянных хижин, покрытых пальмовыми листьями. Внутри хижин висели плетеные постели, которые индейцы Эспаньолы называли гамаками. При приближении чужеземцев дикари убежали в лес, бросив нескольких

пленников, предназначавшихся для очередного людоедского пиршества. Матросы нашли в жилищах обглоданные человеческие кости, отрубленные руки, ноги и головы. По-видимому, жители Гвадалупе и были теми самыми карибами, о которых с ужасом говорили туземцы Эспаньолы.

8 ноября Колумб отдал приказ плыть дальше и направился со всей своей эскадрой на северо-запад, к острову Эспаньола, где он оставил тридцать девять человек в форте Навидад. Поднявшись к северу, Колумб открыл несколько новых островов, которым дал названия – Монтсеррат, Санта-Мария ла-Редонда, Сан-Мартин, Санта-Крус («святой крест»), 14 ноября эскадра пристала к острову Санта-Крус.

Карибы показались испанцам «весьма свирепыми». В отличие от других индейцев, они носили длинные волосы и обводили глаза черной краской. Все тело они покрывали татуировкой и перетягивали жгутами мускулы рук и ног, отчего они становились необыкновенно упругими.

Дальше к северу взорам испанцев открылись «бесчисленные и веселые» островки, названные Колумбом архипелагом «Одиннадцать тысяч дев». С тех пор эти острова именуются Виргинскими (по-испански «дева» – «вирхен»)³. Потом вдаль открылся большой остров, который индейцы, взятые на Гвадалупе, называли Борикен. Флотилия, не задерживаясь на этом острове, названном Колумбом Сан-Хуан-Баутиста (позднее он был переименован в Пуэрто-Рико), прошла вдоль его северного берега.

В пятницу 22 ноября Колумб, наконец, увидел Эспаньолу. Вечером 27 ноября флотилия бросила якорь в бухте Навидад. Колумб приказал выстрелить из двух бомбард, чтобы оповестить гарнизон форта о своем прибытии. Но ответного выстрела не последовало, сигнальные огни не зажглись и никаких признаков форта на берегу не было видно. Колумб с нетерпением ждал рассвета, чтобы узнать о судьбе своих матросов, которые вынуждены были жить почти целый год среди индейцев.

Около полуночи к флотилии подплыли на пироге несколько индейцев. Один из них настойчиво повторял: «Адмирал, адмирал». Туземцев проводили на флагманский корабль, и Колумб узнал среди них родственника касика Гуаканагари. Он привез Колумбу в подарок от касика две золотые маски. На вопросы Колумба об испанцах, оставшихся на острове, индейцы давали сбивчивые и неясные ответы. Можно было только понять, что многие испанцы умерли от болезней, другие стали жертвами взаимных раздоров, остальные ушли в глубь острова на поиски золота и увели с собой много женщин. Родственник касика сообщил также, что недавно на Гуаканагари напал касик соседней области, по имени Каонабо, сжег селение и ранил Гуаканагари в бою.

Как ни печальны были эти известия, но они все-таки немного успокоили Колумба. Он не сомневался, что оставшиеся в живых матросы поспешат вернуться, как только узнают о его прибытии, и расскажут всю правду о случившемся. Но наутро Колумба ждало еще большее огорчение. От форта Навидад остались одни развалины со следами пожарища. Кое-где виднелись обломки разбитых сундуков и клочки одежды европейцев, а неподалеку от крепости было найдено одиннадцать зарытых в землю тел, оказавшихся трупами испанцев.

О том, что произошло за время его отсутствия в форте Навидад, Колумб узнал через несколько дней от касика Гуаканагари, которого нашел больным в одном из отдаленных селений. «Гуаканагари сообщил, – пишет Бартоломе Лас Касас, – что христиане погибли потому, что, как только адмирал покинул их, они стали ссориться между собой. У них возникли нелады, и эти люди принялись отнимать жен у их мужей, и каждый из них отправлялся добывать золото сам, и только для себя. Группа бискайцев соединилась против всех остальных христиан, а затем

³ По католической легенде, «одиннадцать тысяч дев» совершили паломничество в Рим и на обратном пути были перебиты гуннами.

все они рассеялись по стране и там за свои провинности и дурные поступки были убиты». Колумб поверил Гуаканагари, хотя подозревал, что в истреблении испанцев принимали участие также и индейцы его племени. Но не желая до поры до времени портить с ними отношения, Колумб пригласил касика в свой лагерь и снова устроил празднество в его честь. Касика привели в изумление лошади, которых он никогда прежде не видел, а искусство верховой езды вызвало его неподдельный восторг.

Гибель гарнизона форта Навидад не изменила решения Колумба основать на Эспаньоле колонию. Туземцы постоянно говорили о богатой золотом области Сибео, которую Колумб все еще продолжал считать страной Сипанго. На поиски золота был снаряжен большой отряд во главе с Алонсо де Охедой, кастильским дворянином, позднее «прославившимся» своими жестокостями в колониях. Экспедиция Охеды увенчалась успехом. Ему удалось открыть несколько ручьев с золотоносным песком и найти самородок золота в девять унций весом.

Тем временем Колумб спешно снарядил в обратный путь пятнадцать каравелл, оставив на Эспаньоле только пять кораблей и около пятисот человек. Поступить таким образом его заставил недостаток съестных припасов, а также болотная лихорадка, поразившая многих из его спутников. В памятной записке, переданной Торресу в качестве материала для отчета, Колумб просил послать ему «скот, продовольствие и все прочее, необходимое для заселения края и обработки полей». В памятной записке содержались и такие строки, характеризующие, к сожалению, великого мореплавателя отнюдь не с лучшей стороны: «Оплату же всего этого можно производить рабами из числа каннибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смывленных. Мы уверены, что стоит только вывести их из этого состояния бесчеловечности, и они могут стать наилучшими рабами; перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны».

Так как местность возле бывшего форта Навидад оказалась нездоровой и непригодной для основания колонии, Колумб 7 декабря вышел из бухты со всей своей флотилией и в тот же вечер стал на якорь неподалеку от Монте-Кристи. Здесь был торжественно заложен город Изабелла, названный так в честь кастильской королевы. Как только в новом городе были построены жилища, Колумб, оставив там губернатором своего брата Диего, отправился с наиболее сильными и здоровыми людьми в область Сибео. 12 марта 1494 года экспедиция отправилась в путь. «В воскресенье, 16 марта, вступили в страну Сибео, где земли тощие и гористые. Горы здесь были бесплодные, усеянные большими и малыми камнями. На холмах, не покрывая их сплошь, росла низкая трава... Везде в этой провинции были бесчисленные реки и ручьи, и повсюду в них найдено было золото».

Так как дальнейший путь становился труднопроходимым, Колумб приказал построить на холме форт из камня и дерева и окружить его широким рвом. Этому форту Колумб дал название форта св. Фомы.

Оставив в форте св. Фомы пятьдесят два человека под начальством Педро Маргарита, Христофор Колумб 21 марта отправился обратно в Изабеллу. В пути ему пришлось задержаться на несколько дней из-за разлива горных рек. В Изабеллу он прибыл 29 марта и нашел здесь страшные беспорядки: в колонии не было муки, так как солдаты и матросы не успели построить мельницу; увеличилось количество больных и умерших; изнуренные от голода люди не могли справиться со своей работой; а надменные идальго, полагавшие, что как только они прибудут в новые земли, богатства сами свалятся им на голову, гнушались всякой работой и бездельничали с утра до ночи. Точно так же вели себя и священники, считавшие, что духовный сан освобождает их от простого труда. Колумб принял строгие меры, и для острастки отстрелил от должности несколько человек.

Вскоре из форта св. Фомы прибыл гонец с известием, что все местные индейцы бежали, покинув свои селения, и что будто бы они готовятся во главе со своим касиком Каонабо

к походу на испанцев, засевших в форте. Усмирить восставших индейцев Колумб поручил Алонсо де Охеде, дав ему подробные инструкции, которых тот в точности придерживался.

Отправившись в область Сибео с небольшим, но хорошо вооруженным отрядом, Охеда притворился другом индейцев и вошел в селение касика Каонабо якобы с мирными намерениями. Каонабо принял испанцев самым лучшим образом. Во время беседы Охеда протянул ему цепи с наручниками, объяснив, как нужно носить эти «украшения». Затем привязанного к седлу Каонабо доставили в Изабеллу и приковали к стене в подвале дома Колумба. После этого случая, означавшего объявление войны индейцам, Колумб значительно укрепил гарнизон форта св. Фомы, поручив начальство над ним тому же Алонсо де Охеде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.